

В могиле не опасен суд молвы

Автор:

[Алан Брэдли](#)

В могиле не опасен суд молвы

Алан Брэдли

Загадки Флавии де Люс #9

В семье де Люс случилась трагедия. Проявляя поистине английский стоицизм, сестры де Люс молча страдают. Мрачная Флавия воскрешает в памяти способы получения самых быстродействующих ядов, на случай если она все-таки решится расстаться с жизнью. Неужели поместье Букшоу уже никогда не будет прежним? В попытке наладить отношения Флавия с сестрами отправляются в лодочное путешествие. На их пути – маленький городок, печально прославившийся после того, как местный викарий отравил трех прихожанок во время святого причастия. В реке рядом с пристанью наблюдательная Флавия обнаруживает труп юноши. Ничто не может отвлечь младшую де Люс от печальных мыслей лучше, чем новое расследование!

Алан Брэдли

В могиле не опасен суд молвы

Посвящается Ширли, моей музе

В могиле не опасен суд молвы,

Но там не обнимаются, увы![1 - Перевод Г. Кружкова. – Здесь и далее примеч. пер.]

Эндрю Марвелл «К стыдливой возлюбленной», 1681 г.

Alan Bradley

THE GRAVE'S A FINE AND PRIVATE PLACE

Впервые опубликовано Delacorte Press, New York, NY под названием «The Grave's a Fine and Private Place».

Печатается с разрешения автора при содействии литературных агентств The Bukowski Agency Ltd., Toronto и The Van Lear Agency LLC.

Перевод с английского Елены Измайловой

Перевод стихотворений Михаила Савченко

Copyright © 2018 by Alan Bradley

© Измайлова Е.Г., перевод, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава 1

Я возлежу на смертном одре.

Снова.

Я сделала все возможное, лишь бы выжить, но этого оказалось недостаточно. Есть пределы человеческим возможностям.

Охваченная горькими воспоминаниями, я отвернулась лицом к стене.

На Рождество неожиданно умер отец, и мы быстро поняли, что оставшуюся после него пустоту ничем нельзя заполнить. Он был клеем, который держал всех нас вместе, и когда он умер, сестры и я, даже в лучшие времена не бывшие друзьями, превратились в смертельных врагов. Каждая из нас, отчаянно стремясь захватить власть, получить хоть какой-то контроль над распадающейся жизнью, все время конфликтовала с остальными. С одинаковой легкостью мы бросались словами и посудой. И неважно, кто пострадает.

Когда наша семья оказалась на грани развала, из Лондона приехала тетушка Фелисити, дабы примирить нас.

По крайней мере, она так объявила.

На случай если мы забыли, нам быстро напомнили тот факт, что наша дражайшая тетушка, как милостиво гласит Книга общих молитв, является женщиной, следующей стремлениям и порывам своего сердца.

Иными словами, это упрямая старуха, деспот и тиран.

Тетушка Фелисити заявила, что Букшоу следует немедленно продать, несмотря на то, что он принадлежит мне и я могу распоряжаться им по своему усмотрению. Фели должна как можно скорее выйти замуж за Дитера Шранца, как только закончится траур. Даффи нужно отправить в Оксфорд изучать английскую филологию.

– Кто знает, может, когда-нибудь ты станешь одаренной преподавательницей, – заметила тетушка Фелисити, после чего Даффи швырнула в камин чашку и блюдце и вылетела из гостиной.

«Злиться бессмысленно, – ледяным голосом объявила тетушка Фелисити. – Приступы гнева только создают новые проблемы и не решают имеющиеся».

Что касается меня, я вместе с кузиной Ундиной должна поехать в Лондон к тетушке Фелисити, пока она не решит, что с нами делать. Я уверена, что меня захотят отослать в очередное место, где я должна буду продолжить учебу, прерванную, когда меня исключили из женской академии мисс Бодикот в Канаде.

Но как же Доггер и миссис Мюллет? Что с ними будет?

– Их уволят и назначат им небольшую пенсию в зависимости от выслуги лет, – объявила тетушка Фелисити. – Уверена, они оба будут очень благодарны.

От Доггера просто отмахнутся, назначив пенсию? Немыслимо. Доггер отдал нам почти всю жизнь: сначала отцу, потом матери, сестрам и мне.

Я представила, как он в поношенном пиджаке сидит на деревянной скамейке где-то у реки и просит милостыню у проходящих мимо туристов, время от времени фотографирующих его, чтобы показывать потом своим придурковатым родственникам.

Доггер заслуживает лучшего.

А миссис Мюллет?

Ей придется готовить незнакомцам, она зачахнет и умрет, и виноваты будем мы.

Наши жизненные перспективы выглядели крайне мрачно.

Потом, в начале февраля, все стало еще хуже. Умер король Георг VI, приятный человек, который когда-то приветливо болтал со мной у нас в гостиной, как будто я его дочь; и с его смертью весь народ, все жители стран Содружества, а может быть, и весь мир, погрузились в уныние вместе с нами.

А я? Как же Флавия де Люс?

Погибну, решила я.

Лучше свести счеты с жизнью, чем гнить в Лондоне, на кишасей голубями площади, в унылом доме тетушки, которая дорожит «Юнион Джеком» больше, чем своей собственной плотью и кровью.

Опытный эксперт в ядах, я точно знала, что надо сделать.

Никакого цианида, нет уж, увольте!

Я слишком хорошо знаю симптомы: головокружение, слабость, жжение в горле и желудке, потом паралич блуждающего нерва, затрудненное дыхание, холодный пот, слабеющий пульс, паралич всего тела, давящая боль в сердце, слюнотечение...

Мне кажется, именно слюнотечение заставило меня отказаться от цианида. Какая уважающая себя юная леди захочет, чтобы ее труп был обнаружен в луже слюны?

Есть более легкие способы воспарить в кущи небесные.

Так что вот, лежу я на смертном одре, мне тепло и хорошо, я полуприкрыла глаза и напоследок рассматриваю отвратительные обои – горчичные с красными пятнами.

Скоро я усну, и все они никогда в жизни не поймут, отчего я умерла. Как я хорошо все продумала!

«Они пожалеют, – подумала я. – Они пожалеют».

Но нет! Я не должна почить вот так. Это неподходящее выражение лица, слишком простое. С такими лицами умирают заурядные молочницы и продавщицы спичек.

Смерть Флавии де Люс требует чего-то более возвышенного: переступая порог смерти, я должна думать о чем-то великом и благородном.

Но о чем?

Религия – слишком обыденно.

Возможно, я могла бы, например, погрузиться в размышления об особенных электронных связях диборана (B

H

) или о еще не установленных валентностях моногидрата трихлорэтиленплатината (II) калия.

Да, именно!

Рай распахнет передо мной двери.

Когда я ступлю на порог, огромные хрустальные ангелы, поблескивающие морозными всполохами, скажут: «Хорошая работа, де Люс».

Я обхватила себя руками и свернулась в клубок.

Как приятно умирать, когда все сделано как надо.

– Мисс Флавия, – Доггер нарушил мои приятные мысли. Он перестал грести и указывал мне на что-то.

Вмиг меня вырвали из сладких грез. Если бы это был кто-то другой, а не Доггер, он бы жестоко поплатился.

– Это Воулсторп, – сказал он. – Слева от самого высокого вяза – Святая Милдред.

Он знал, что я не хотела бы пропустить это зрелище: церковь Святой Милдред-на-болоте, где каноник Уайбрэд, пресловутый Каноник-Отравитель, два года назад лишил жизни нескольких прихожанок, добавив в святое причастие цианид.

Разумеется, он сделал это во имя любви. Яд и страсть, как я уже обнаружила, соединены так же тесно, как горошек и морковь.

– Выглядит безобидно, – заметила я. – Этот пейзаж словно сошел со страниц «Живописной Англии».

– Да, – согласился Доггер. – Так обычно и бывает. Ужасные преступления часто происходят в мирных местах.

Он уставился на другой берег и умолк. Я знала, что он вспоминает японский лагерь военнопленных, где он и мой отец подвергались жутким мучениям.

Как я уже говорила, причиной раздора в нашей семье стала смерть отца шесть месяцев назад. Офелию, Дафну и меня тянуло в разные стороны.

Ундина, как было решено, уже уехала в Лондон с тетушкой Фелисити.

Сейчас Фели лениво раскинулась на полосатых подушках на носу лодки, намазав лицо репеллентом и рассматривая свое отражение в воде. С тех пор как мы отплыли, она не сказала ни слова. Ее пальцы отстукивали на планшире мелодию – я угадала в ней «Песню без слов» Мендельсона, – но лицо ничего не выражало.

Даффи, сидевшая на скамье, сгорбилась над книгой – «Анатомией меланхолии» Роберта Бертона – и не обращала совершенно никакого внимания на прекрасные английские пейзажи, медленно проплывавшие мимо нее.

Неожиданная смерть отца погрузила нашу семью в апатию, и, я думаю, дело в том, что мы, де Люсы, по природе своей неспособны на выражение печали.

Только Доггер сломался и поначалу выл в ночи, как собака, но в последующие дни, длинные и полные страданий, и он стал молчаливым и бесстрастным.

Какая жалость.

Похороны прошли ужасно. Денвин Ричардсон, викарий и старый друг отца, разрыдался и не смог продолжать службу. Пришлось искать другого священника. В конце концов пригласили старого каноника Уолпола из городка

по соседству, и он закончил то, что начал его коллега. Его речь напоминала собачий лай над трупом.

Суший кошмар.

Вынужденная взять ответственность на себя, тетушка Фелисити примчалась из Лондона (как я уже говорила). Смерть единственного – и младшего – брата повергла ее в состояние неистовства, в результате чего она начала обращаться с нами как со слабоумными рабами на галерах, швыряясь приказами вроде:

– Сложи журналы по порядку, Флавия. Сначала по алфавиту, а потом хронологически. Передней обложкой вверх. Это гостиная, а не воронье гнездо. Офелия, принеси метлу и смахни паутину. Это место напоминает могилу.

Потом, осознав, что она лягнула, тетушка аж покрылась рябью от подавленного стыда и понесла еще большую чушь, которую я не стану здесь пересказывать, опасаясь, что когда-нибудь она прочитает и жестоко мне отомстит.

Я слишком драматизирую? Отнюдь.

– Вы напоминаете мне кучку слизней, – объявила тетушка Фелисити. – Надо что-то сделать, чтобы стряхнуть с вас тину.

Поэтому было решено – хотя я до сих пор не пойму, кем именно, – что нам всем нужен отдых: автобусные экскурсии, полосатые шезлонги у моря или хотя бы свежий воздух.

Мне кажется, прогулку по реке предложил Доггер: ленивые дни у воды, лимонад и имбирный эль от «Фортнем и Мейсон», черед сельских отелей с их пуховыми матрасами ночью и горячими ростбифами днем.

– Вспомните «Гекльберри Финна», – сказала Даффи. – Кто знает, Флавия? Вдруг тебе повезет и ты найдешь труп на корабле.

Маловероятно – но все что угодно лучше, чем оставаться в Букшоу, где траур, похоже, воцарился до конца времен.

Я никогда раньше этого не замечала, но дом захватили пыль и влага. Воздух стал затхлым, как будто останки нескольких поколений де Люсов вытряхнули из пылесоса и разрешили им располагаться, где они пожелают. Это заметила Даффи.

– Наш дом напоминает заросшую плесенью часовню в парке из «Холодного дома», – вздрогнув, сказала она и закуталась в кардиган.

Даффи процитировала книгу, которую маниакально перечитывает с тех пор, как еще лежала в коляске. Стоит ей дочитать до последней страницы, как она снова открывает первую. «Чувствуешь такой запах, такой привкус во рту, словноходишь в склеп дедлоковских предков[2 - Цит. из романа Ч. Диккенса «Холодный дом» в переводе М. И. Клягиной-Кондратьевой.]. Кар!»

«Кар!» – это из репертуара Даффи, не из Диккенса.

Свадьба Дитера и Фели, назначенная на июнь, была отложена из уважения к памяти отца. Имели место сцены с битьем посуды, сдиранием обоев, разрезанием обивки и тому подобное, но все тщетно.

– После смерти родителя назначается период глубокого траура продолжительностью шесть месяцев, – объявила тетушка Фелисити, выдавая свою приверженность армейским порядкам, хотя она должна храниться в глубокой тайне. – И ни днем меньше. Кричи сколько хочешь, ты не заставишь меня передумать.

И все тут.

То, что должно было стать периодом блаженства, превратилось в кошмар, когда нервозность, страх и гнев Фели победили здравый смысл, не оставив от него ни капли. Результатом стала серия ссор и примирений с Дитером, за которыми следовали приступы злобы, силе которых позавидовал бы Чингисхан.

Дитер выносил все это с непоколебимым спокойствием, но рано или поздно даже герои вынуждены отступить, чтобы зализать раны.

Так что мы в суматохе собрали чемоданы – все, кроме Доггера, который всегда готов ко всему, – и отправились в путешествие, которое должно исцелить нас.

Но все пошло наперекосяк.

К тому времени как мы смогли уехать из Букшоу, отец был мертв уже почти шесть месяцев. Казалось, особенно в начале, что Доггер потерял самую важную часть своей души. Но шли дни, и становилось все более очевидно – во всяком случае, мне, – что он обрел что-то более важное.

В последние несколько недель Доггер словно начал светиться. Это трудно описать, но я постараюсь.

Это выглядело не так, будто он только что побрился и намазался гвоздичным лосьоном, ибо Доггер выше подобных трюков.

Нет, у него словно начал отрастать нимб: бледное свечение, как на картинах средневековых святых, – вокруг них рисуют золотой ореол, словно на головы вышеупомянутым святым надели перевернутый чайник.

В Библии на самом деле нет никаких нимбов – равно как там нет кошек и баянов. Если вам нужны нимбы, придется поискать их в «Энциклопедии Британнике», они там находятся между нильтреугольной матрицей и нимоником. Как всем известно, настоящие нимбы, вроде тех, что можно наблюдать вокруг луны или солнца, являются результатом отражения и преломления света в ледяных кристаллах, находящихся в атмосфере. Но объяснения нимбам святых нет, хотя их можно легко представить в своем воображении. По крайней мере, я могу.

В случае с Доггером это было свечение, лучезарное сияние, которое снисходило на него очень постепенно. Я взяла на заметку, что надо каждое утро заходить на кухню и внимательно наблюдать за Доггером, только делать это осторожно.

У него порозовели щеки, и сначала я боялась, что это отравление дурманом или чума. Но поскольку Доггер прекрасно знает, как надо обращаться с *Datura stramonium*, растущим в горшке у меня в лаборатории, а Черную Смерть последний раз диагностировали в Англии в 1918 году, когда она унесла жизнь миссис Багг из Испвича, я решила, что происходящее с Доггером – исключительно к добру.

Таким образом, тем июньским утром Доггер, сидевший ровно по центру нашей лодки и решительно вонзавший весла в теплую мутную воду реки, был красив и здоров как никогда: просто как кинозвезда. Если бы это был фильм, а не реальная жизнь, Доггера играл бы Джон Миллз[3 - Сэр Джон Миллз (1908–2005) – популярный английский актер, сыгравший более чем в 120 фильмах за свою 70-летнюю карьеру.] с его понимающим прищуром и легкой улыбкой на фоне солнечного утра, как будто он уже знает, что ждет нас за поворотом. Может, так оно и есть.

- Ты уже бывал здесь, Доггер? – спросила я. – Имею в виду, в этой части реки?

- Много лет назад, мисс Флавия, – ответил он, – но это было в прошлой жизни.

Я поняла, что надо оставить эту тему.

Я рассматривала огромные убаюкивающие тени, отбрасываемые на воду церковным кладбищем.

Большинство людей никогда не задумываются, почему места последнего упокоения всегда изобилуют зеленью. Но если бы они задумались, их лица, может быть, приобрели бы такой же оттенок, как эта трава, потому что под живописным мхом и лишайником, под обветренными камнями, под землей медленно побулькивает кипящий химический котел, в котором, благодаря химии, наши предки и соседи возвращаются к своему Создателю.

«Из праха мы созданы, в прах и обратимся», – гласит Библия.

«Праха к праху, пыль к пыли», – говорит Книга общих молитв.

Но обе эти книги, написанные с неплохим вкусом, не упоминают ни о вонючем желе, ни о жидкой или газообразной стадиях, которые мы проходим, перед тем как оказаться в великом ничто.

Обычное кладбище – это первоклассная мясорубка.

Шокирующая правда, да?

В старом выпуске «Иллюстрированных лондонских новостей», который я нашла под диваном в гостиной, рассказывали, что в качестве средства для размягчения мяса теперь рекламируют сок папайи.

«Какая колоссальная трата продукта! – подумала я. – Можно сделать куда более мощное и эффективное средство, просто разлив по бутылкам...»

Сейчас мы дрейфовали в нескольких футах от берега, на котором находится кладбище. Над нами вздымалась Святая Милдред-на-болоте, и ее квадратная башня закрывала солнце. Вдруг похолодало, и причиной был не только внезапно поднявшийся легкий ветерок, означавший перемену погоды.

– Это здесь, рядом со старым причалом, каноник Уайтбред бросил отравленный потир[4 - Потир – чаша для причастия.] в реку, да, Доггер?

Я знала, что так оно и было. Я долго изучала фотографии во «Всемирных новостях», запоминая все подробности: тропинку, причал, покатый берег, камыши... Везде были стрелочки и подписи для удобства жаждущего крови читателя.

Каноник бросил сосуд в реку в надежде, что тот утонет и останется на илистом дне до конца света. Однако он не принял во внимание коварство одного из своих предшественников, который подменил старинную серебряную чашу копией из металлического сплава, покрытой лишь тонким слоем благородного металла. К несчастью, она всплыла и застряла в камышах, где ее и нашел мальчик, сын фермера.

– Не надо было выбрасывать ее в безлунную ночь, – заметила я.

– Именно, мисс Флавия, – подтвердил Доггер, читавший мои мысли. – Может, тогда бы он заметил, что она не утонула.

– Хотя она могла и утонуть, – взволнованно сказала я. – Может, ее случайно зацепили тяжелым веслом или багром, вот она и всплыла.

– Возможно, – ответил Доггер, – но маловероятно. Полагаю, полиция отвергла эту теорию как необоснованную. Таким предметом можно было бы поднять

менее качественную копию, но это не тот случай.

– Странно, – задумалась я. – Каноник Уайтбред так и не заметил, что сосуд слишком легкий.

– Если только он не сам подменил его, – предположил Доггер.

Я возбужденно шлепнула по воде, приходя в восторг при мысли о том, что они здесь, что в этот самый миг вода уносит следы цианистого калия и стрихнина. Может быть, одинокие молекулы еще тут – конечно, в очень разбавленном виде, но если верить гомеопатическим теориям Сэмюэла Ханнемана, сохраняющие смертоносную силу.

– Флавия! – заорала Даффи. – Дубина! Ты забрызгала мою книгу!

Когда Даффи в ярости, она вечно забывает слова из своего обширного вокабуляра.

Она захлопнула томик и швырнула его в корзину для пикника.

Над рекой повисло благословенное, хоть и несколько напряженное молчание. Мы плыли под арками из ивовых веток. Там и сям водная гладь нарушалась плеском рыбы. (Я лениво задумалась, испускают рыбы газы или нет).

Мы находились неподалеку от одного из великих университетов. Наверняка кто-то там должен знать, кто-то ученый, а конкретно – ихтиолог. Молодой энергичный ихтиолог с квадратной челюстью, светлыми кудрявыми волосами, голубыми глазами и трубкой. Я бы могла заскочить к нему и проконсультироваться по какому-нибудь головоломному химическому вопросу... который сразу даст ему понять, что я не рядовой любитель... Рассеивание цианистого калия и стрихнина в речной фауне. Да. Точно!

Роджер, так его будут звать. Роджер де как-то-там – имя под стать моему собственному... Из древней норманской семьи, на гербе которой столько оружия, хохолков, знамен, девизов и лозунгов, что и не снилось ни одному рынку подержанных автомобилей.

«Роджер...» – начну я...

Нет, постойте! Роджер – это слишком банально. Так можно назвать собаку. Его будут звать Ллевеллин, и произносить его имя надо будет на уэльский манер.

Точно, Ллевеллин.

«Ллевеллин, – скажу я, – если вам когда-нибудь потребуется содействие в расследовании дела об отравлении в бассейне, я с радостью помогу».

Или это слишком прямолинейный подход?

Я никогда не проводила вскрытие рыбы, но вряд ли оно сильно отличается от разрезания сельди за завтраком.

Я с удовольствием вздохнула и лениво свесила руку вниз.

Что-то коснулось меня. Что-то задело мои пальцы, и я инстинктивно сжала ладонь.

Рыба? Я что, поймала рыбу рукой?

Может, какой-то тупой голавль или глупая щука приняли мои пальцы за что-то съедобное?

Не желая упустить возможность войти в историю под именем Флавия Рыболовный Крючок, я изо всех сил вцепилась в что-то жесткое и ребристое. Уперлась большим пальцем. Добыча не уйдет.

– Подожди, Доггер, – попросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно. Эта история будет передаваться из поколения в поколение, и я должна позаботиться о том, чтобы мое хладнокровие вошло в легенду. – Кажется, я что-то поймала.

Доггер перестал грести, лодка закачалась на воде. Я чувствовала что-то очень тяжелое. Должно быть, это одна из тех рыб-гигантов, знаменитостей местного фольклора, столетиями живущих на дне водоема. Старушка Молди или что-то в этом духе, обычно деревенские их так называют. Они, наверное, придут в ярость

из-за того, что я поймала их чудовище голыми руками?

Эта мысль заставила меня улыбнуться.

Что бы это ни было, оно не сопротивлялось.

Хотя Даффи и Фели делали вид, что происходящее их не интересует, обе повернулись ко мне.

Изо всех сил удерживая равновесие и стараясь не упустить добычу, я сделала резкий рывок.

Я видела в журналах фотографии американского писателя Эрнеста Хемингуэя с багром в руке и огромной акулой. Готова поспорить, даже он никогда не ловил подобную рыбу голыми руками.

«Флавия, – подумала я, – ты прославишься».

Когда лодка перестала качаться и волны стихли, под поверхностью проявилась тень, превратившаяся в белесое пятно. Брюхо рыбы?

Я потащила ее вверх, чтобы рассмотреть получше.

Хотя этот предмет был перевернут, узнать его было легко.

Это была человеческая голова, а под ней обнаружилось человеческое тело.

Мои пальцы глубоко вошли в рот и зацепились за верхние зубы трупа.

– Давай-ка к причалу, Доггер, – сказала я.

Глава 2

Причалить к берегу у церкви оказалось не такой легкой задачей, как можно было предположить.

Во-первых, Даффи, перегнувшись через планшир, методично избавлялась от всего, что съела за последние две недели. Если вы когда-нибудь видели в кино, как траулер опустошает сети, вы примерно представляете, что я имею в виду. Сказать, что она просто извергла съеденное, – невероятное преуменьшение. Скорее, она выплюнула все свои внутренности. Ужасающее зрелище, по правде говоря.

Если бы не серьезность ситуации, я бы даже посмеялась.

Доггер – надо отдать ему должное – не произнес ни слова. С одного взгляда он все понял и начал действовать соответственно. Медленно, но неуклонно мы двигались к берегу в тишине – конечно, если не считать звуков рвоты.

Лодочники, которые были неподалеку, наверное, решили, что юной леди стало плохо. Чем-то отравилась или морская болезнь. Пялиться нехорошо, так что они не смотрели. Разумеется, никто из них не заметил, что я тащу за открытый рот.

Когда лодка стукнула о деревянный причал, Доггер протянул мне клетчатый плед, который собирался расстелить на земле во время нашего пикника. Я сразу поняла, чего он хочет.

Не привлекая внимания, я взяла плед левой рукой, развернула и небрежно накинула на плававший труп. Пришвартовав лодку, Доггер вышел на мелководье, бережно поднял прикрытое пледом тело и побрел к заросшему зеленой травой берегу. Положил труп на землю на краю церковного кладбища.

Я заметила синяк на шее сзади – как будто человек оступился, ударился головой и упал в воду. «Но у мертвецов не бывает синяков», – вспомнила я.

– Искусственное дыхание? – предложила я, стараясь думать логически.

Однажды Доггер рассказал мне, что изучал джиу-джитсу и систему Кано, согласно которой утопленника можно реанимировать резким ударом по ступням.

– Боюсь, нет, мисс, – ответил Доггер, приподняв край пледа. – Слишком поздно. Этот бедняга уже стал поживой рыб.

Он прав, уши и нос были объедены.

Судя по тому, что осталось от лица, этот мужчина был довольно красив. Длинные рыжие пряди, пропитавшиеся водой, должно быть, когда-то вились кудрями над кружевным воротником его шелковой рубашки.

Я не сочиняю, она действительно шелковая, и его голубые брюки тоже, застегнутые на пуговицы и подвязанные шелковыми лентами под коленями.

У меня было впечатление, будто я смотрю на выходца из восемнадцатого столетия, путешественника во времени, который весело нырнул в воду во времена короля Георга III и наконец решил выплыть.

В следующий миг я предположила: может быть, кто-то пропал с маскарада? Или со съемок фильма?

Наверняка об этом трубили бы на всех углах, но тем не менее – вот здоровый молодой человек (если не считать того, что он мертв) лежит, словно выловленная форель.

Он был почти чересчур красив: как мальчик в голубом со знаменитой картины Гейнсборо, только более бледный.

Но погодите-ка! Он действительно напомнил мне картину, но не Гейнсборо. Нет, это работа куда менее известного художника по имени Генри Уоллис.

«Смерть Чаттертона» – вот как она называлась, и на ней изображено тело печального молодого поэта, который в возрасте семнадцати лет отравился, когда разоблачили его литературные мистификации[5 - Есть версия, что на самом деле Томас Чаттертон (1752–1770) отравился, потому что не мог добиться признания и его практически не публиковали. Его литературную мистификацию (Томас писал стихи, выдавая их за записи средневекового монаха Томаса Роули, якобы жившего в XV веке) разоблачил Гораций Уолпол за год или полтора до смерти поэта, а слава к Чаттертону пришла спустя много лет после

самоубийства.]

Как я сразу не догадалась, ведь огромная репродукция этой картины много лет висит в моей спальне на почетном месте.

Признаюсь, это одно из моих любимых произведений искусства.

На этой картине Чаттертон, бледностью лица напоминающий рыбье брюхо, раскинулся на убогом диване в съемной мансарде, левой рукой обнажив грудь, в которой совсем недавно билось сердце.

Правая рука свисает к полу, рядом валяется пустой флакончик из-под мышьяка.

Все искусство должно так завораживать.

– Пожалуйста, оставайтесь на местах, мисс Офелия, мисс Дафна, – слова Доггера вырвали меня из размышлений. – Внимательно следите за рекой вверх и вниз.

«Какой умный человек», – подумала я. Он нашел, чем их занять, чтобы они не впали в истерику, и помешал затоптать улики.

Удивительное дело, но людям, которые решительно раздают приказы на месте трагедии, всегда повинуются.

– Мисс Флавия, если вы соблаговолите побыть здесь, я схожу за полицией, – обратился он ко мне.

Я коротко кивнула, и он ушел в сторону церкви. Влажные манжеты его брюк шлепались о щиколотки, но это не мешало ему сохранять полный достоинства вид.

Как только он скрылся из виду, я приподняла край пледа.

На меня удивленно взглянули полузакрытые голубые глаза с расширенными зрачками – как будто я сдернула одеяло со спящего человека. Радужки были такого же цвета, как его губы и шелковые ленты на коленях.

Я понюхала губы, вернее, ткнулась в них кончиком носа, но ничего не уловила, кроме солоноватого запаха воды. Наклонилась к его глазам и втянула ноздрями воздух.

Так я и знала: яблоки. Цианистый калий, насколько я помню, запаха не имеет, но когда он смешивается с водой, растворяясь и образуя щелочной раствор, выделяется синильная кислота, которая в соединении с воздухом начинает пахнуть яблоками.

Глазная ткань, самая тонкая и нежная в теле, не только впитывает химические запахи лучше, чем остальные органы, но и сохраняет их дольше. Если не верите, понюхайте свои слезы через час, после того как поели лук.

Кроме того, глаза, полуприкрытые веками, были лучше защищены от вымывающего действия воды, чем нос и губы.

Его лицо было... ладно, скажем, интересным. Хотя оно несколько опухло, но синюшность практически отсутствовала. Верный знак, что либо тело находилось в воде недолго, либо, наоборот, долго было погружено в холодную глубину. Но тот факт, что сейчас оно всплыло на поверхность, означал, что в нем идут процессы газообразования. Есть и другие варианты, но этот самый правдоподобный.

«Можно найти и другие признаки, но, чтобы их изучить, придется раздевать тело, а это, – подумала я, – неприлично». Кроме того, нет времени, в любой момент может вернуться Доггер с полицией.

Когда дело касается утопления, самыми важными иногда оказываются внутренние приметы. Разумеется, я не могу провести вскрытие на берегу. Придется удовлетвориться другими приемами.

Положив ладони крест-накрест на грудь мертвеца, я навалилась на него всем своим весом.

Мои усилия были немедленно вознаграждены: из его посиневших губ хлынула удивительно сильная струя пенящейся жижи, сменившаяся водой.

Потянувшись за носовым платком, я собрала жижу, свернула ткань в комок, чтобы не подцепить заразу, и спрятала в карман.

Быстрый взгляд по сторонам подтвердил, что я осталась незамеченной.

Продолжив изучение трупа, я пощупала ладони мертвеца в поисках эффекта перчатки – дряблости кожи, которая дала бы понять, что труп долго находился в воде. Но его руки были на удивление упругими.

Почти не задумываясь, я поднесла свои пальцы к носу.

Поразительно, насколько мы игнорируем наше обоняние. Мы реагируем на крайности – аромат или вонь, розы или разложение. Человеческий нос научился не обращать внимание на то, что не имеет значения.

Я обнюхала пальцы.

Ага! Я не ожидала ничего необычного, но мой нос безошибочно уловил запах.

Паральдегид, клянусь всеми святыми! Старый добрый дружок (СН

СНО)

– дурно пахнущая и отвратительная на вкус бесцветная жидкость, которую можно получить, если подвергнуть альдегид воздействию серной или соляной кислоты. Это вещество было впервые синтезировано в 1829 году и когда-то вместе с ванильным экстрактом, земляничным сиропом и хлороформом входило в состав средства от бессонницы. Также, в сочетании с равными частями вишнево-лавровой воды, его использовали для подкожных инъекций душевнобольным.

Но сто лет назад от использования паральдегида отказались, потому что он вызывал плохой запах изо рта у пациента. Хотя мне доводилось слышать, что есть люди, особенно среди аристократии, которые пристрастились к этому веществу.

Я еще раз понюхала кончики пальцев, освежая память.

Если я правильно помню, отравление паральдегидом сужает зрачки, а у этого бедолаги они расширены. Что-то не сходится. Части головолмки не встают на место.

Придется подождать. Сейчас нет времени.

Я обратила внимание на нижнюю часть тела трупа. Одна ступня, немного высовывающаяся из-под пледа, была обута в нечто вроде красной балетной туфли. Вторая была босой. Невысокий, насколько я могу судить, примерно пять с половиной футов ростом, даже чуть ниже, хотя трудно определить на глаз, поскольку он лежит под пледом.

Да! Вот оно. Это балетный танцор, вот почему он так одет.

Горжусь собой. Должно быть, он пришел на берег реки вечером, потренировать пируэты вдали от завистливых глаз. Может, из «Лебединого озера».

Должно быть, какое зрелище! Под плакучими ивами, у сонной реки – но потом он поскользнулся или подвернул ногу и упал в темные воды.

Или его столкнули.

Мог ли он запутаться в водорослях или ряске? Я отогнула край пледа. Следов растений нет.

Может, что-то найдется в складках одежды. Надо обыскать его.

Вы когда-нибудь засовывали руки в карманы брюк трупа? Вряд ли. Я сама делала это лишь пару раз, и должна сказать, что это не самое приятное занятие.

Кто знает, что может там таиться? Обыскивая утопленника, вы рискуете наткнуться на угрей, водяных змей, крабов и кого угодно, и я начала вспоминать, какие особи могли подняться по реке со стороны Темзы. Китайский мохнорукий краб? Когда дело касается крабов, любые средства предосторожности хороши.

Не стоило беспокоиться. За исключением клочка мокрой марли и сложенного листка бумаги в синюю линейку, карманы были пусты. Я зажала листок большим и указательным пальцами, подумав, что надо будет потом как следует оттереть руки от слизи.

Стараясь не повредить, я медленно развернула листок. Там было кое-что написано карандашом. Несколько цифр.

Может, это дата? 1954 год, а 6, 7, 8 и 9 – это месяцы июнь, июль, август и сентябрь? Если так, то это будущее, потому что сейчас июнь 1952 года.

Люди обычно не назначают встречи настолько заранее.

Или это код от сейфа? Маловероятно, потому что аккуратно набрать серию из четырех цифр в строгой последовательности очень сложно. И Доггер во время одного из уроков по вскрытию замков объяснил мне, что обычно такие комбинации содержат не менее двух непоследовательных цифр.

Или это телефонный номер? Не уверена, к какому коммутатору относятся первые две цифры, но всегда можно позвонить и узнать, кто поднимет трубку.

Варианты бесконечны, и это весьма занимательно, потому что возможности намного интереснее несомненных фактов – таково мое мнение.

Я уже собиралась вернуть мятый листок обратно в карман, когда солнце заслонила внезапная тень, упавшая на труп. Меня словно пронзило электрическим током.

Я повернулась и подняла руку, закрываясь от солнца, но увидела только черный силуэт, нависающий надо мной.

– Что ты сделала с Орландо? – раздался голос, и я чуть не выскочила из кожи вон.

В старинном плетеном кресле на колесиках восседала незнакомая женщина. Она подкатилась ко мне так тихо, что я ничего не услышала.

– Ты опять? Что это за игры? Опять твои проказы? Немедленно встань, Орландо, ты пачкаешь шелк.

– Прошу прощения, – сказала я, поднимаясь на ноги. – Боюсь...

– И правильно делаешь, бесстыжая девчонка. Что ты наделала? Отвечай немедленно!

С первого взгляда мне показалось, что нос этой женщины торчит, как у военного корабля, такой же крупный и мощный, чтобы легко пронзать бурные волны Атлантики.

Седые волосы, стянутые в тяжелый узел на затылке, придавали ее лицу вид нагноившегося прыща, который вот-вот лопнет.

Из-под дорожного пледа высовывался носок жокейского сапога, объемистую грудь в свободной куртке украшал трепещущий на ветру старый школьный галстук. Женщина выглядела очень странно.

– На что ты уставилась? – спросила она. – Разве родители не учили тебя, что глазеть неприлично?

Это была последняя капля. Мои родители – почившие, да покоятся с миром их души, – учили меня, что важнее всего продемонстрировать стойкость перед лицом угрозы.

Я знала, что должна излиться фонтаном утешений, явиться скалой сочувствия посреди океана печали, но эта женщина переступила черту. Я не могла заставить себя прикоснуться к ней, не то что обнять.

– Орландо мертв, – сообщила я. – Утонул. Мы обнаружили тело.

Я сразу поняла, что она меня не слушает.

– Орландо, вставай немедленно, – скомандовала она. – Через час приезжают Готорн-Уэсты, и ты знаешь, как Порция не любит ждать.

И без того бледное лицо Орландо на фоне травы приобрело жутковатый зеленоватый отлив, и я заметила, что одуванчики рядом с его ушами отбрасывают на щеки желтоватые тени, похожие на синяки или капли прогорклого масла.

– Довольно, Орландо, – продолжила женщина, высунув ногу из-под пледа и толкнув труп в плечо. – Вставай и идем.

Я схватила ее за руку.

– Не трогайте его, – сказала я. – Он умер. Мы вызвали полицию.

Женщина взглянула на меня, потом перевела взгляд на труп и снова на меня. Глаза расширились, полная верхняя губа с усиками искривилась, и воздух разрезал ужасающий вопль, то усиливающийся, то ослабевающий, как сигнал воздушной тревоги.

В ответ на этот жуткий крик Даффи и Фели повернули головы в нашу сторону, но только на секунду, а потом снова уставились на реку, как велел Доггер.

«Ничего не слышу, ничего не вижу» – это их девиз, и в глубине души я не могу винить их за это. Возиться с трупами не так просто, как некоторые думают.

Отвести глаза просто, но чтобы смотреть в лицо смерти, нужен крепкий желудок.

Я увидела, что Доггер возвращается в сопровождении двух человек – судя по одежде, деревенского констебля и викария.

«Слава небесам, – подумала я. – Мне больше не придется иметь дело с этой вопящей гарпией в одиночестве».

– Отойдите, пожалуйста, – предсказуемо попросил констебль.

Я с радостью послушалась и отодвинулась в сторону, откуда могла незаметно наблюдать за происходящим. Великие сыщики имеют в запасе много ловких трюков вроде этого.

Знаю, звучит как похвальба, но это правда.

Мы с Доггером наблюдали, как констебль осторожно заглядывает под плед. Убедившись, что юноша мертв, он одернул китель, поправил галстук, повернулся к нам и произнес:

– Ну что ж... – он ткнул большим пальцем в сторону церкви и главной улицы. – Буду признателен, если вы отправитесь в «Дуб и фазан». Хозяин как раз подает ветчину и сыр, если желаете перекусить. Я скоро приду.

Если желаем? Полагаю, он хотел проявить внимание. Или это такое чувство юмора? За кого нас принимает этот деревенский дурачок?

Я уже собиралась сказать ему, что с удовольствием пожую ломтик мяса, рассматривая особенно сочный труп, но поймала взгляд Доггера.

– Какая забота с вашей стороны, констебль, – сказала я. – Мне кажется, аппетитные запахи доносятся даже сюда, – как ожидалось от девочки моего возраста, я улыбнулась ему коротко, хотя несколько натянуто.

– Мы достаточно увидели? – произнесла я краешком рта, когда мы с Доггером шли забрать Фели и Даффи из лодки.

– О да, мисс Флавия, – ответил он. – Более чем.

Глава 3

– Как омерзительно! – ныла Даффи, сидя за столом в пабе «Дуб и фазан».

Я понятия не имела, что она имеет в виду: паб, труп или скулящую женщину в кресле, которую мы оставили в нежных руках констебля.

Какая разница.

Фели беспокойно ерзала в кресле, украдкой оглядываясь по сторонам. Я сразу же поняла, что ей неловко сидеть вместе со слугой.

Не знаю, что ее тревожит. Кроме нас в пабе были только плохо одетые мужчины с разноцветными шарфами на шеях. Они тыкали друг друга в грудь и гоготали.

Доггер не беспокоился. Мы в отпуске, и он тоже. Социальное положение и статус забыты – или предполагается, что они должны быть забыты. После войны многое изменилось. Фели воспитывалась в другом мире, и это было заметно.

Сочувствую ей. У Фели нелегкая жизнь, особенно в последнее время. Она тоскует по отцу и страдает из-за отложенной свадьбы. Для человека, который привык всегда получать все, что хочет, это, должно быть, конец света.

– Что закажете? – спросил хозяин, держа карандаш наготове. – Всем подать крестьянский обед? – в рубашке с короткими рукавами и переднике он напоминал хозяина трактира из комикса в «Панче».

– Пожалуйста, пинту «Гиннесса», – сказала Фели, и я чуть не упала со стула. Она заговорила в первый раз за все утро.

– Вам больше восемнадцати лет? – уточнил хозяин. – Простите, мисс, но я обязан спросить.

– Я гарантирую, что да, – сказал Доггер.

– Мне то же самое, – выпалила Даффи.

Хозяин так изумился, что даже ничего не спросил. Она явно потрясена еще сильнее, чем я думала.

– Мне имбирное пиво, – попросила я. – И, если вас не затруднит, не могли бы вы погреть его три минуты на плите?

Всегда полезно попросить что-нибудь особенное, чтобы вас не приняли за глупого туриста.

Нам придется провести какое-то время в этой деревне, пока констебль ведет расследование, так что важно обозначить приоритеты с самого начала. Потом будет поздно, тем более что вокруг одни незнакомцы.

Хозяин прищурился, но записал мой заказ, а затем обратился к Доггеру:

– А вы, сэр?

– Молоко. стакан молока. Полагаю, оно пастеризовано?

– Пастеризовано не то слово, сэр! – рассмеялся хозяин, хлопнув себя по бедру. Мне хотелось ударить его по лицу. – Вы в жизни не видели настолько пастеризованное молоко, как наше. Я только вчера говорил мистеру Клемму (это наш викарий): «На нашей кухне вы не заработаете!» Разумеется, я имел в виду похороны. Но его это не развеселило.

Я перестала слушать. Слишком хорошо известны мне опасности непастеризованного молока.

В конце концов, химик Луи Пастер – один из моих любимых героев. Я с удовольствием вспомнила симптомы туберкулеза (он же чахотка). Вызывающая эту болезнь бацилла превращает легкие пациента во влажный сыр, лицо делается синюшным, поскольку в крови повышается уровень углерода, развиваются лихорадка, мучительный кашель, повышается пульс, мышцы слабеют, человек потеет по ночам и начинает бредить – жестоко, но сознание при этом сохраняет ясность и сосредоточенность до самого конца.

Одно время, прочитав статью на эту тему, я отказывалась пить молоко, пока не протестирую его в лаборатории и не пастеризую собственными руками, а потом снова проверю под микроскопом на предмет наличия бацилл.

Сейчас, конечно, с тех пор как в 1928 году Александр Флеминг открыл пенициллин, от чахотки никто не умирает, разве что в кино, где приступ болезни изображается с помощью трагических взглядов, фальшивых капель пота, сажи, которую втирают под глаза, драматического кашля и брызг ненастоящей крови на безупречно белом платке.

Мой поток завораживающих мыслей был прерван появлением напитков.

- Ура! - сказала Даффи, приветственно поднимая стакан.

Она делала вид, что совершенно не думает о серьезности ситуации. Но даже если вкус и приличия покидают нас, остается одно правило: проявлять уважение к смерти.

Я выстрелила в нее укоризненным взглядом.

- Простите, - устыдилась она.

Воцарилось молчание, и я мысленно перенеслась через дорогу - и по церковному кладбищу к берегу реки.

Кто этот мертвец и почему он утонул? Несчастный случай или...

- Я хочу домой, - внезапно сказала Фели. - Мне нехорошо. С меня хватит.

Странно, но я поняла, что она имеет в виду. Дело не в трупке, который я выловила из реки. Как я уже говорила, Фели тяжело перенесла смерть отца, а постоянные откладывания свадьбы и последующие ссоры действуют на нее еще сильнее.

«Бедняжка Фели, - подумала я. - Она всегда жила с призрачной надеждой, что вот-вот поймает счастье за хвост».

У меня была мысль, но придется подождать, пока мы поедем. Я прикоснулась к ее рукаву, подавая знак, что понимаю ее.

Была ли благодарность в ее взгляде? С Фели никогда нельзя быть уверенной.

Доггер заказал крестьянский обед, Фели – салат, а Даффи – маленькую порцию тушеной моркови.

– Извините, – сказала она, – не могу даже смотреть на мясо.

Я остановилась на старом добром чатни, сыре и маринованном луке – это мое любимое блюдо, которое я втайне называю бальзамирующим завтраком. Словно химическая лаборатория вдали от дома.

Мы ели в молчании. То, что мы могли бы обсудить с Доггером, не предназначалось для посторонних ушей, а темы, на которые можно говорить с сестрами, не подходят ему.

Когда мы заканчивали, в пабе по соседству распахнулась дверь и кто-то громко объявил задыхающимся голосом:

– Утопленник! Из реки выловили мертвеца!

Все зашумели, стулья задвигались, ноги зашаркали. Не успели бы вы и глазом моргнуть, всех будто корова языком слизала, и слышался только гул удалявшихся голосов.

– Пойдем, – сказала я, дернув Фели за рукав. – Время привести мой план в действие.

– Я туда не пойду, – возразила она. – Мне нехорошо. Я хочу домой.

– Я знаю, – ответила я, не ослабляя хватку. – Но подумай, что там через дорогу?

– Утопленник, – вздрогнув, ответила она.

– А еще?

Она смотрела на меня с непонимающим видом.

– Церковь! – сказала я. – А где церковь, там орган. Нет дыма без огня и так далее. Давай же, пойдём. У меня завяли уши. Мне нужна инъекция Баха.

В лице Фели что-то изменилось. Это было еще не счастье, но что-то близкое к нему.

Она встала, я взяла ее за указательный палец и повлекла к выходу. Первый раз я по своей воле прикоснулась к руке сестры с тех пор, как мне было девять месяцев и я училась ходить.

Июньская погода радовала ярким солнцем, и нам пришлось прикрыть глаза ладонями.

Мы пересекли улицу и по гравийной дорожке пошли к церкви.

«Святая Милдред-на-болоте», – гласила надпись на старой табличке, и я затрепетала от удовольствия. В этот самый момент призрак каноника Уайтбрета может выглядывать из-за любого надгробия.

Когда я перевела взгляд на колокольню, у меня возникло отчетливое чувство, что за нами наблюдают, но через секунду оно прошло. В церквях такое бывает.

На пороге Фели, определив кратчайший путь к органу, устремилась к цели, а я села на скамью в начале центрального прохода.

Нет другого места на земле, где присутствие мертвецов чувствуется так остро, как во влажном мраке пустой церкви. Если прислушаться, можно расслышать их дыхание. Знаю, это невозможно, мертвые не дышат – по крайней мере, в земном смысле слова. Но все равно их можно услышать.

Я на полную мощность включила свой сверхъестественно острый слух. Эту особенность я унаследовала от покойной матери Харриет, и хотя обычно от этого только уши болят, иногда бывает и польза.

Но если мертвецы и шептали что-то в тот день, они обращались не ко мне. Может быть, жертвы каноника Уайтбрета собирались поболтать вокруг алтаря, где их причащали. В конце концов, ведь на этом самом месте их отравили?

Я заинтересованно уставилась на алтарь. Над ним что-то едва поблескивает? Если и так, то это нельзя пощупать. Дуновение теплого ветерка откуда-то снаружи или порыв воздуха от находящейся под полом батареи.

Либо воздух, либо проявление древней святости, и готова поспорить, что скорее первое.

В задней части церкви что-то несколько раз глухо стукнуло и зашелестело, и зазвучал орган. Я сразу же узнала пьесу: Бах «Искусство фуги».

Сначала заиграла одна труба – словно высохшая кость запела себе колыбельную ночью в склепе. Но вскоре к ней присоединились другие кости, и ноты Баха игриво вспорхнули к стропилам и консольным балкам, словно эскадрон веселых, безумных летучих мышей. Изысканное сравнение, осмелюсь сказать, поскольку слово «фуга» означает «полет».

О, как прекрасно!

Я сделала глубокий вдох и закрыла глаза.

Должно быть, мозг старины Иоганна Себастьяна работал так же, как и мой, и он мог одновременно думать о разных вещах.

Я всегда считала, что органная музыка очень стимулирует мыслительный процесс. Под аккомпанемент Баха и в отсутствие отвлекающих факторов мой мозг заработал со скоростью спущенной с поводка гончей.

Кто он, мертвый Орландо, и кто эта женщина в кресле? Что их связывает? Почему она так бурно отреагировала, когда я сказала, что он умер?

И самое важное: что означают цифры, которые я нашла в кармане покойника?

В этот момент мои глаза широко распахнулись, сфокусировавшись на цифрах, написанных на досках с псалмами над кафедрой и аналоем. Это, конечно же, псалмы, которые будут петь на следующей службе или которые пели на предыдущей.

Три псалма: 289, 172 и 584.

Я повернулась и схватила с полочки на моей скамье экземпляр «Псалмов старинных и современных». Пролистала до псалма 289:

И живых и мертвых свяжет

Дней летучий хоровод.

Помни: всякий в землю ляжет.

Скоро наш придет черед.[6 - Здесь и далее стихи в переводе М. Савченко, если не указано иное.]

Обожаю псалмы! В них есть чувство перспективы, которое часто теряется в повседневной жизни.

Но прямого совпадения с цифрами на листке нет. Перед моими глазами возник мятый клочок бумаги: 54, 6, 7, 8, 9.

Что ж, 8 и 9 совпадают с цифрами в номере псалма, но этого недостаточно. Две цифры из шести не считаются даже в лотерее, и в моем случае тоже.

Я обратилась к гимну 172:

Хвала Творцу на небесах,

Хвала во тьме глубин.

Это уже больше похоже. Я подумала о несчастном Орландо, которого я извлекла из глубин, хотя сомневаюсь, что он бы вознес хвалу своей участи.

С номером этого псалма совпадала только одна цифра, 7. Еще меньше шансов, чем в предыдущем случае.

Что если эти цифры относятся к псалмам 54, 67 и 89?

Я начала яростно листать молитвенник.

Псалом 54 показался многообещающим:

Когда ночная тьма падет

И тело отдых обретет...

Но вслед за этим псалом скатывался в жалость, вину и уныние.

Я перешла к номеру 67.

Третья строфа говорила о крови и воде, а четвертая – о вечных берегах.

Я вздохнула и перешла к псалму 89.

Здесь постился Моисей. Тоже ничего полезного.

Но потом я вспомнила, что «Псалмы старинные и современные» – не единственный маяк в этом море. О нет! Насколько я знаю, в церкви столько молитвенников, что голова кругом. Утренние воскресные службы превращаются в скачку с препятствиями, когда от нас требуется быстро найти нужное место в книге.

Конечно, вот и он, «Английский сборник псалмов». Совсем другой сорт рыбы.

Интересно, мысли о рыбе – это святотатство? Я решила, что нет, в конце концов, рыба – символ христианства на кресте.

Я повернулась на сиденье, вернее, встала коленями на скамью лицом назад и начала (я хотела было сказать «выуживать», но сдержалась) копаться на книжной полке.

И да, я так и знала, что найду его здесь. Мои пальцы нащупали потрепанный экземпляр «Английского сборника псалмов».

Он больше и толще, чем «Псалмы старинные и современные», потому что содержит не только тексты на греческом и латыни, но и ноты и примечания. Огромная книга, предназначенная для специалистов.

Я открыла псалом 54:

О силы тьмы, орда теней,

Души губители моей,

Летите прочь!

И так далее.

Предупреждение? Маловероятно.

Я перелистала до номера 67:

Час исцеленья настает.

Целительно, но разочаровывающе.

Остался только псалом 89.

Кончиками пальцев я уже чувствовала поражение.

Но постойте, вот он:

Боже, душу исцели

И раскаянье всели.

Безгреховную Твою

Душу посели в мою.

Я невольно вздрогнула. Может, это послание вселенной лично Флавии де Люс?

Это то же, что гадать по Библии, когда тычешь пальцем в книгу наугад и читаешь текст?

Однажды я видела как Фели делает это, но то был единственный раз.

«Что мне надеть, когда Дитер в субботу поведет меня в кино?» – спросила она. Но когда Библия ответила: «Тело мое одето червями и пыльными струпьями; кожа моя лопается и гноится» (Иов 7:5)[7 - Здесь и далее Библия цитируется по Синодальному переводу.], – Фели дико завопила и отменила свидание.

Дальше в псалме говорилось о проклятиях и искуплении. Мне кажется, любой человек, шифрующий послание, воспользуется только первыми строками. Иначе это будет слишком туманно. Жертва заскучает и бросит читать до того, как поймет смысл.

Идея с псалмами провалилась, и я вернула книгу на место.

Рядом с двумя сборниками псалмов лежала третья книга, толстая, черная и сильно потрепанная от частого использования.

Ничего не ожидая, я взяла ее.

Святая Библия, перевод короля Якова. Тяжелая, как кирпич.

Поддавшись импульсу, я ткнула пальцем между страниц.

Князья ее – львы рычащие; судьи – рыщущие под сенью ночи волки; они не выгрызают костный мозг.

Зефания, глава 3, стих 3.

«Вот тебе и пророчество», – подумала я.

Верьте или нет, но в этот самый момент из ниоткуда мне в голову пришла мысль. Уселась, словно голубь на статую адмирала Нельсона.

Я перелистнула к началу Библии, молясь, чтобы в ней было содержание.

Да! Вот оно, в начале, как и следовало ожидать.

Книга Бытия... Исход... Левиты...

К моей обнаженной руке прикоснулась холодная ладонь. Я подскочила фута на два как минимум, сердце ушло в пятки.

– Я так и знала, что найду тебя здесь, – произнес голос мне на ухо, и я в ужасе обернулась.

Это была женщина с берега. Опять она подобралась ко мне в абсолютной тишине.

Сидя спиной к алтарю и внимая звукам органа, я не слышала и не видела ее кресло. Должно быть, она прикатила в церковь через трансепт.

– Наше знакомство было неудачным, – продолжила она, ткнув пальцем в сторону кладбища. – Это целиком и полностью моя вина. Ты просто пыталась помочь бедному Орландо. Мне следовало сразу понять.

Должно быть, она увидела мое замешательство. Неужели это тот самый человек, который недавно на берегу реки рвал волосы на голове?

– Должно быть, тебе хочется дать мне пощечину, верно? Ох, ну давай, признайся. Я бы не стала тебя винить.

Я одарила ее мрачной улыбкой и снова вернулась к книге.

Книга Бытия... Исход... Левиты...

– Скажи, что ты меня прощаешь, – она сжала мою руку. – Викарий и констебль посоветовали мне пойти в церковь и успокоиться. Вот я и пытаюсь это сделать. Но ты должна мне помочь.

Я попыталась игнорировать ее, но это было нелегко. Она сунула ладонь мне под нос:

– Пожмем руки. Я Поппи Мандрил. А кто ты, скажи, молю тебя?

– Титания Боттом, – отозвалась я. Иногда я представляюсь такими именами, когда меня сильно злят.

Женщина откинула голову и расхохоталась удивительно богатым, теплым и глубоким смехом, взлетающим в воздух и переплетающимся с органом.

– Да ладно, – сказала она. – Я поставила достаточно пьес Шекспира, чтобы понять, когда мне морочат голову.

Она постучала по правому колену – или, во всяком случае, по тому месту, где оно должно быть. Я впервые заметила, что у нее нет ноги. До сих пор плед хорошо скрывал отсутствие конечности.

– И... извините, – сказала я, чувствуя себя идиоткой.

– Не стоит, – ответила она. – Забавно, но это дает такую свободу. Ой, не надо смотреть на меня с таким скептическим сочувствием. Я устала от этих взглядов. Люди не знают, как себя вести со мной. Пусть у меня нет ноги, но голова-то есть.

Должна признать – правда, неохотно, – что в этой женщине есть нечто, вызывающее во мне восхищение. Внезапно я решилась и протянула ей руку.

– Флавия де Люс, – я посмотрела ей прямо в глаза, крепко пожала ладонь, молча извиняясь за свое нахальство, и попросила, не выпуская ее руку, – расскажите мне об Орландо. Мне так его жаль.

Она внимательно рассматривала мое лицо.

– Кроме того, мне любопытно, – добавила я.

– Довольно честно, – заметила она. – Я тебе верю. Орландо был... моим протеже.

Интересное слово. Я знаю, что оно происходит от французского глагола, означающего «защищать». Учитель органа, занимавшийся с Фели, мистер Колликут, всегда именовал ее своей протеже. По крайней мере, он так говорил,

пока его не убили.

Но если мистер Колликут когда-нибудь думал, что защищает Фели от чего бы то ни было, он был болваном. Моя сестра родилась с защитными инстинктами тигровой акулы.

Нет, у этого слова есть другой смысл – «студент, ученик». Должно быть, так.

– Вы его учительница? – уточнила я.

Мисс Мандрил окинула меня взглядом с ног до головы, перед тем как наконец ответить.

– В некотором роде да.

За последние годы, наблюдая за моим другом инспектором Хьюиттом, главой полицейского участка в Хинли, я выяснила, что лучший способ выудить информацию – это держать рот на замке.

Я ничего не сказала, и, клянусь Иисусом, это подействовало!

– Орландо был очень талантливым актером, – объяснила она. – Он мог бы стать величайшим в нашем поколении, если бы не умер. Второй Гилгуд[8 - Джон Гилгуд (1904–2000) – знаменитый английский актер, исполнитель шекспировских ролей.]? Кто знает? Может, даже более великим. В нем соединялись сталь и чувствительность – бесценное сочетание, которого вечно не хватает современным труженикам рампы. Ему недоставало только счастливого случая, и теперь его лишили всего.

«Кто это сделал? – подумала я. – Судьба?»

Или мисс Мандрил намекает, что произошло преступление?

Я подалась вперед, демонстрируя крайнюю заинтересованность.

– Что ж, – продолжила она, покачав головой, – где бы он сейчас ни был, он смеется над своей трагедией. Вот как это делается. Вот секрет подлинного

величия.

«Она права», – подумала я. Не знаю, сколько раз я смеялась при одной мысли о своих не сказать чтобы незначительных талантах.

Я скромно улыбнулась.

– И где он, как вы полагаете? – спросила я, побуждая ее говорить дальше.

– Орlando? – она хмыкнула. – Он восседает на краю какого-нибудь розового облака, болтает ногами и попивает абсент. И общается с кем-то из наших эксцентричных покойных романистов. Например, с Рональдом Фирбанком.

– Не с Шекспиром? – удивилась я.

– Шекспиром? – повторила мисс Мандрил и поджала губы. – Господи, нет! Орlando ненавидел Шекспира. «Разрекламированный навоз» – вот как он его называл. «Буря в свинарнике».

Я чуть не подавилась. Какое счастье, что здесь нет Даффи. Она бы распылила эту женщину на атомы за такую ересь.

– Вижу, ты со мной не согласна, – добавила мисс Мандрил. – У тебя на лице написано. Ну ладно. Полагаю, есть люди, с которыми можно разумно разговаривать, и есть другие.

Ну и как иметь дело с этой женщиной? В один миг она исповедуется мне, как лучшей подруге, а в другой – пускает отравленные стрелы.

Я не могла позволить себе отступить в «высокую башню», как однажды выразилась мисс Мюллет, или тратить время на игры с этим блуждающим разумом. Конечно, она расстроена. Любой бы расстроился, обнаружив труп своего протеже.

– У него есть родственники? – поинтересовалась я. – Кто-то, кому надо сообщить?

– Ха! – гаркнула она.

И больше ничего не сказала.

К тому времени Фели дошла до более спокойных частей «Искусства фуги», и звуки органа теперь не летали и не порхали, а тихо шептали. Я услышала звуки приближающихся шагов.

И это не церковнослужитель.

Это была полиция.

– Констебль Оттер, мисс, – представился голос. Запахло луком. – Прошу вас на пару слов снаружи.

Я бросила взгляд на мисс Мандрил, нарочито перекрестилась (на всякий случай), встала и последовала по проходу за констеблем. На солнце я заморгала.

Отрадно, что у констебля хватило понимания приличий, чтобы прийти за мной в одиночестве.

– А теперь... – начал констебль Оттер, открывая записную книжку и облизывая кончик нестираемого карандаша, и в душе моей воцарился покой.

Глава 4

Должна признаться, люблю, когда меня допрашивает полиция. Я привыкла к тихим беседам с инспектором Хьюиттом, во время которых мне нередко удавалось просветить его в тонких областях химии, а в нескольких случаях и в ряде других вопросов.

Хотя я бы предпочла, чтобы меня допрашивал детектив Бранч, я проявила любезность и по отношению к констеблю Оттеру. Сразу же продемонстрировала готовность сотрудничать.

– А! Наконец вы пришли за мной, – сказала я с восхищением в голосе. – Ничто не оживляет сонный летний день так, как загадочная смерть, не правда ли, констебль?

Надо показать ему, что мне это не в новинку.

У него странно дернулся глаз. Что это, солнце? Или я неверно оценила этого человека?

– Загадочная, мисс? – переспросил констебль.

«Осторожно, Флавия», – подумала я. Этот человек соображает быстрее, чем я предполагала.

– Вы же понимаете, что я имею в виду, – начала импровизировать я. – Утонул, но никто не объявлял его в розыск.

– Откуда вы знаете?

Очевидно, что констебль Оттер – не самый глупый человек. Предвижу его большое будущее.

– Путем умозаключений, – объяснила я. – Иначе искали бы тело – на берегах и в воде.

Констебль Оттер почесал подбородок кончиком карандаша. На коже осталось темно-синее пятно, но я не стала говорить ему об этом.

– Что ж, мисс, – сказал он. – Полагаю, нам стоит оставить подобные умозаключения, как вы это называете, профессионалам: ребятам, у которых есть мозги и микроскопы.

Констебль пытался быть остроумным, но я сделала вид, что ничего не замечаю.

Должно быть, он неправильно понял выражение моего лица, потому что добавил:

– Микроскоп, мисс, если вы не в курсе, – это прибор, который увеличивает маленькие предметы. Сквозь линзу глаз блохи кажется величиной с колесо.

Он явно не осознает, что разговаривает с человеком, в распоряжении которого находится один из лучших микроскопов, созданных Эрнстом Лейтцем из Вецлара, и этот человек прекрасно умеет им пользоваться! Болван!

– О нет! Неужели? – слова выскальзывали из моего рта, как змеи из корзинки, и моя челюсть отвисла дюйма на три.

– Хммм, – протянул он и бросил на меня взгляд искоса. – Вы профессионал, мисс?

Его неожиданно пронцательный вопрос застал меня врасплох.

– Ну... да, – ответила я. – В некотором роде.

Ответом на мое признание стало молчание. У этого человека все задатки главного инспектора. Надо быть осторожной.

И, что более важно, нужно найти к нему подход.

– Вы очень хороши в том, что вы делаете, – сказала я.

«Надо подмазывать осторожно, – подумала я, – нельзя перестараться».

Он снова бросил косой взгляд, но меня спас от замешательства крик со стороны воды.

– Констебль! Констебль Оттер!

Это был викарий. Он размахивал руками совершенно неподобающим священнику образом – на манер стрелочника.

Констебль Оттер задумчиво вернул записную книжку и карандаш в нагрудный карман кителя. Он не из торопливых.

Бросив на меня вопросительный взгляд, он повернулся и пошел по тропинке. Гравий жалобно хрустел под его ботинками.

Естественно, я последовала за ним. Он же не сказал мне оставаться на месте.

Хотя наша лодка все еще была у причала, я не увидела ни Доггера, ни Даффи. Должно быть, они все еще в «Дубе и фазане» и Доггер изо всех сил старается отвлечь Даффи от мыслей о трупе. Несмотря на суровый внешний вид, у моей сестры тонкая душевная организация. Просто она не любит это показывать.

Но, когда карты вскрыты, Даффи всегда сдается первой. Что-то по-настоящему ужасное – например, сломанная при падении с дерева рука или нога или насаженная на грабли жаба – превращает Даффи в дрожащее желе. Вид или даже запах крови заставляют ее расстаться с обедом прямо на месте, как будто ее мозг и желудок связаны напрямую.

Но книги – совсем другое дело. Пока нечто просто описывается, без картинок, моя сестра может справиться с чем угодно.

В детстве она с превеликим энтузиазмом читала мне эпизод из «Преступления и наказания», когда Раскольников зарубил топором двух старушек. И она явно наслаждалась описанием гибели Владимира в «Евгении Онегине». Его застрелили из пистолета, и из раны сочилась дымящаяся кровь.

Книги служат Даффи прокладкой между реальным миром и ее нежным сердцем.

Я же совсем другая. Абсолютно.

Для меня новый труп – это клубок нерассказанных историй, который просится, чтобы его распутали до последней нитки. И одновременно это пособие по реакциям разложения, что придает ему дополнительный интерес.

Моя мысль заключается в том, что хотя между мной и Даффи наличествует определенное сходство, между нами есть непреодолимые – по крайней мере, в этой жизни – различия.

Викарий продолжал махать руками, когда я подошла, держась в двух шагах позади констебля Оттера.

- Думаю, вы должны это видеть, - говорил викарий, протягивая мокрую туфлю.

Красная: пара к той, что была на ноге у трупа.

- Где вы это взяли? - неласково поинтересовался констебль. Я по опыту знаю, что полиция не любит, когда улики находит кто-то другой.

- Там, - викарий обвиняюще ткнул пальцем в оборванца, стоявшего рядом с мокрым воздушным змеем. Я его даже не заметила. - У Хоба Найтингейла.

Я обратила внимание на неопрятного мальчугана, уставившегося на ботинки, которые были ему явно велики. Он был всего на несколько лет младше меня и вполне мог оказаться носильщиком на рынке Ковент Гарден или беспризорником из романов Диккенса, которые обожает Даффи. Судя по фуражке и мешковатым брюкам, у него почти наверняка есть старший брат и нет матери.

- На что ты уставилась? - враждебно спросил он.

- Извините, - искренне сказала я. - У меня есть привычка разглядывать людей.

Он откинул голову и отвел взгляд. Предполагается, что обиженные люди должны некоторое время дуться, только не слишком долго. Придется подождать и посмотреть, примет ли он мои извинения.

- Юный Хоб пускал своего змея, - объяснил викарий. - Порыв ветра затащил его в камыши, - он показал на изгиб реки, заросший камышами и ряской. - Вон туда.

- И там плавала эта туфля? - уточнил констебль Оттер. - В воде?

Викарий кивнул.

- И кто ее выловил? - продолжил констебль.

– Я, – застенчиво ответил викарий, и я заметила, что его брюки закатаны, демонстрируя бледные ноги и белые носки. – Хоб показал мне. И я пошел туда. Он еще ребенок. Я не хотел, чтобы он упал.

– Ясно, – ответил констебль Оттер, взвешивая мокрую туфлю в руке. – Значит, вы выловили ее голыми руками?

Викарий робко кивнул. Констебль с видом фокусника извлек из кармана записную книжку и карандаш и сделал запись. Ничего не упускает.

– Что ж, – констебль повернулся к хмурому Хобу Найтингейлу. – Чем ты тут занимаешься? Не юли, иначе я все расскажу твоему отцу. Он знает, как с тобой обойтись.

Я собралась было броситься на защиту мальчика. Я прекрасно знаю, каково это – когда тебе открыто угрожают.

Но не стоило беспокоиться.

– Да ради бога, – отрезал Хоб, глядя констеблю Оттеру прямо в глаза. – Я не делал ничего плохого. С каких пор пускать воздушного змея – это преступление?

Констебль явно опешил, я тоже. Он снял шлем и почесал затылок карандашом. Я лениво подумала: «Интересно, он там измажется?»

– С каких это пор? – настойчиво спросил Хоб, повысив голос слегка, давая понять, что он на грани взрыва.

– Успокойся, парень, – сказал констебль. – Не стоит завязывать свои подгузники узлом.

Он взглянул на викария в ожидании улыбки в ответ на остроту, но его шутка умерла, не родившись. Викарий смотрел на него с таким лицом, будто услышал уравнение Эйнштейна.

– Что ж, – продолжил Оттер, – тогда беги домой. Если мне что-то потребуется, я знаю, где тебя найти.

Внезапно меня осенило. Как будто солнце вышло из-за темной тучи и осветило тропинку в лесу.

– Я отведу его домой, – вызвалась я. – Помогу нести сломанного змея.

Я чуть было не сделала акцент на слове «сломанного», но сдержалась. Я кое-что заметила под мятой бумагой, и это что-то явно не было частью игрушки.

– Ты даже не знаешь, где я живу, – возразил Хоб.

– Не беспокойся, малыш, – сказала я, ненавидя себя за эти слова. – Ты покажешь дорогу. Я мастер по починке воздушных змеев.

Я наклонилась и подхватила влажный сверток из пробкового дерева, бумаги и ужасно перепутавшихся ниток, стараясь сделать так, чтобы загадочный предмет под ним никто не заметил. Осторожно обернула длинный бумажный хвост вокруг своей руки.

– Веди, Хоб, – драматическим голосом провозгласила я.

Откинув голову и расправив плечи с видом героя военного фильма, уводящего свою армию из плена, Хоб промаршировал по церковному кладбищу, и я, удерживая неудобный сверток, пошла за ним.

Никто не заподозрил, что я уношу улики с места преступления.

Хоб ни разу не оглянулся на меня. С тем же успехом я могла быть служанкой, несущей шлейф его мантии.

Мы прошли мимо церкви по центральной улице, потом свернули в узкий проход между лавкой зеленщика и бюро ритуальных услуг. Справа находилась кирпичная стена, а слева – высокий деревянный забор.

– Здесь, – Хоб заговорил впервые с тех пор, как мы покинули церковный двор.

Я остановилась, уставившись на потрепанную деревянную вывеску над открытой калиткой.

«Ф. Т. Найтингейл. Похороны и др.»

- Постой... - заговорила я, но Хоб поднес палец к губам, заставляя меня умолкнуть.

- Тихо, - прошептал он, - я не хочу, чтобы па нас услышал.

- Па? - переспросила я.

- Мой отец, - пояснил он, указав на вывеску. - Гробовщик.

Я чуть не упала. Не часто судьба дает такой шанс. Я чувствовала, как будто одновременно вытащила четыре туза и джокер.

- Гробовщик, - пробормотала я, - подумать только!

- Не бойся, - тихо сказал Хоб, выразительно артикулируя губами.

- Уверен? - ответила я в той же манере.

Он не ответил, но поманил меня согнутым пальцем за забор.

Внутри был широкий мощеный двор, и я как будто оказалась в другом столетии. Все это место - от газовой лампы над задней дверью дома до коновязи - было отправной точкой для процессии на кладбище.

Я представила терпеливых черных лошадей, запряженных в торжественный черный лакированный катафалк, через стеклянные окна которого те, кому еще посчастливилось пожить, могут поглазеть на труп.

Кокарды, крашенные в черный страусиные перья, шевелятся на ветру, словно перья мертвой птицы (чем они, собственно, и являются). Все, чтобы вызвать трепет у зрителей и напомнить им, что они тоже смертны; носильщики в черных

цилиндрах молча идут рядом с гробом и посматривают на окружающих, словно говоря: «Ты! Да, ты – ты можешь оказаться следующим!»

О, эти старые добрые времена, когда смерть была повседневным спутником, а не слабоумным родственником, которого прячут подальше, не желая с ним общаться.

Сегодня у двери, где когда-то переступали с ноги на ногу лошади, стоял видавший виды автомобиль. «Остин», судя по всему, в прошлой жизни служивший такси в Лондоне.

Я осмотрелась и поняла, что это задний двор – территория, не предназначенная для посторонних глаз. Вдоль забора выстроились деревянные гробы, в углах составлены коробки с пустыми бутылками.

Я подалась вперед, изучая этикетки.

Ага! Как я и подозревала: формальдегид, хлорид ртути, мышьяковистая кислота и щепотка старого доброго хлорида натрия (поваренной соли) плюс пара капель тимола, коричневого и гвоздичного масел, чтобы замаскировать запах.

С дрожью восхищения я вспомнила, что мышьяковистая кислота в форме триоксида мышьяка – это один из самых смертоносных ядов, часто используемый для того, чтобы травить крыс.

– Шевелись! – прошипел Хоб.

Он стоял в дверях и неистово размахивал руками. Я поторопилась к нему.

И присвистнула. Мы находились в большой мастерской, в дальнем конце которой было что-то вроде галереи или чердака. Повсюду стояли гробы и их части на разной стадии готовности: лежащие на деревянных козлах, прислоненные к стенам, составленные в углах. На всех поверхностях лежали рубанки, молотки, пилы и резцы, воздух сладко пах древесной пылью и опилками.

Для девочки с моими интересами это рай.

Все равно что присутствовать при акте творения!

Хоб был уже на середине лестницы, ведущей на галерею.

– Давай сюда, – сказал он. – Скорее! Пошевеливайся!

Я начала неловко взбираться наверх, перекладина за перекладиной, прижимая помятого змея к груди. Должно быть, по виду я напоминала подмастерье обойщика.

Хоб протянул руку, чтобы помочь мне подняться.

Без слов он забрал у меня бумажного змея и швырнул в угол, потом достал черный прямоугольный предмет и поставил его на отполированный до блеска гроб.

Я постучала по поверхности ногтями. Шеллак, растворенный в метиловом спирте, гроб высочайшего качества. Явно не из тех дешевых коробок, которые покрывают льняным маслом и сажой с несколькими каплями скипидара.

Это вместилище предназначалось для кого-то важного.

По собственному опыту я кое-что знаю о лаках и их разновидностях. Как-то раз срочный ремонт стола работы XVII века в столовой, полированную поверхность которого я повредила роликами, надо было завершить до того, как отец вернется в Букшоу из Лондона.

При этой мысли у меня сжалось сердце.

– Надеюсь, камера не пострадала, – сказал Хоб, – иначе Пиппин убьет меня, когда вернется домой.

«Пиппин? Что за Пиппин?» – подумала я и вопросительно подняла брови.

– Мой брат, – объяснил Хоб. – Он летчик. Маршрутная съемка. Он фотографирует северную Канаду для геологической экспертизы. Летает на «спитфайре». Это его камера. Я позаимствовал ее для эксперимента.

Я видела гордость в глазах Хоба.

Отраженная в полированной поверхности гроба, камера имела неземной вид: странный научный аппарат с другой планеты, возможно, предназначенный для того, чтобы следить вездесущим оком за нашим отсталым миром.

И в то же время это был совершенно обычный «кодак» модели «Брауни шесть-двадцать». Они встречаются на каждом шагу. Каждый турист в любой английской деревеньке ходит с таким фотоаппаратом на шее, неистово фотографируя все подряд: старинные дома, амбары для десятины и каждую попавшуюся на пути утку.

Но эта камера отличалась от других. В спуске затвора была просверлена крошечная дырочка, к которой крепилась рыболовная леска, проходившая через медные кольца на боку камеры.

– Ты поняла, что это? – спросил Хоб, переступая с ноги на ногу от волнения.

– Кабель, – ответила я, – разновидность дистанционного управления.

– Воздушная фотография! – воскликнул он, не в состоянии и дальше сдерживаться. – Я сам это сделал! Тебе нравится?

– Поразительно, – сказала я, чувствуя себя намного старше, чем на самом деле. – Потрясающе!

Хоб купался в лучах моего одобрения, и в тот момент я поняла, что у него мало друзей.

– У меня есть идея, – сказала я. – Давай отнесем пленку химику в проявочную. Я отдам ее от своего имени, а ты вернешь камеру брата на место. Он никогда не узнает, что ты ее брал.

– Ты гений! – воскликнул Хоб, и я вынуждена была согласиться.

Через несколько секунд катушка оказалась в моем кармане рядом с платком и тем, что выкашлял труп Орландо.

Я мысленно похлопала себя по спине. В этот момент дверь в дальнем конце чердака тихо распахнулась и явился человек, с ног до головы одетый в черное. Видимо, он смазал сапоги маслом. Даже мой чуткий слух не уловил его приближения.

Он удивился нам почти так же, как мы ему.

– Хоб! – сказал он. – Что ты здесь делаешь? Я думал, ты играешь во дворе. Кого ты привел к нам домой?

Я избавила Хоба от необходимости объясняться. Сделав аккуратный шаг вперед в лучших традициях леди, я протянула ладонь и обменялась с незнакомцем рукопожатием.

«Удивительно сильные руки для гробовщика», – отметила я. Хотя, если подумать, ему приходится ворочать мертвые тела, словно мешки с картошкой.

Он был одет в чистый, но поношенный костюм с потрепанными манжетами. «Постоянно трутся о гроб, – подумала я. – Честный рабочий».

– Я Флавия де Люс, сэра, – представилась я. – Хоб немного повредил своего воздушного змея, и я помогла ему отнести его домой.

– Очень приятно, мисс де Люс, – ответил он. – Весьма обязан.

Он достал из кармана жилета старомодные часы, бросил на них короткий взгляд и добавил:

– Прошу извинить меня. Срочные дела, и...

Не успел он договорить, как я поняла, о чем он.

Орландо! Наверняка это Орландо!

Что еще может быть настолько срочным – сонным летним днем в маленьком городке? Сколько смертей могло тут случиться в течение одного часа?

Я считаю себя экспертом в этой теме. Например, я знаю, что большинство смертей в тихих провинциальных городах случается от старости. Как правило, старики, когда приходит их время, тихо умирают в постелях, и их обнаруживают перед завтраком.

Днем смерти происходят, как правило, по причине сердечных приступов у тружеников-фермеров или из-за дорожных происшествий по вине молодых водителей, любящих алкоголь и скорость.

Есть и другие причины, но это основные.

– Разумеется, сэр, – ответила я, еще раз пожимая его руку. – Очень польщена.

Польщена! Ты гений, Флавия! Даже лексикограф Питер Марк Роже, составитель «Тезауруса английских слов и фраз», не смог бы подобрать более подходящее слово. Даже за сто лет. Никогда!

Мистер Найтингейл поправил запонки, и я поняла, что меня одобряют.

На всякий случай я добавила:

– Я знаю, вы очень заняты, но я просто хотела сделать комплимент качеству лака.

Я бережно провела пальцами по блестящей крышке гроба.

– По бутылочкам во дворе я определила, что вы пользуетесь шеллаком и денатуратом. Мне нравится блеск, который они придают.

Я снова погладила сверкающее дерево.

Мистер Найтингейл поправил галстук.

– Как-нибудь, когда у вас будет минутка, сэр, вы должны поделиться своими взглядами на использование гвоздей с широкой шляпкой в качестве декора. Я знаю, есть много разногласий, особенно в отколовшихся приходах[9 - Флавия имеет в виду английских протестантов, которые откололись от англиканской церкви в XVI, XVII, XVIII веках.], но...

Я умолкла, позволив словам повиснуть в воздухе.

Гробовщики любили использовать медные гвозди с широкой квадратной шляпкой – это недорого и эффектно. Я с интересом прочитала об этом в книге «Гробы и их изготовление», зачитанный экземпляр которой хранился на верхней полке в бесплатной библиотеке Бишоп-Лейси.

Я сделала вид, что смущена, с трудом заставив себя мило покраснеть, – а это непростая задача. Надо задержать дыхание и выдохнуть воздух из легких в голову, и сделать это незаметно.

– Я польщен, мисс де Люс, – сказал гробовщик. – Возможно, в другой раз.

Я изящно склонила голову и одарила его робкой улыбкой. Хорошо, что у меня нет при себе веера!

Он щелкнул каблуками или мне показалось?

Так или иначе, он быстро ушел, чего и следовало ожидать от человека его сословия.

– Какой у тебя приятный отец, Хоб, – заметила я.

Он ухмыльнулся от уха до уха.

– А теперь, – продолжила я, переставая изображать из себя герцогиню, – пойдём и посмотрим, что на этой пленке.

К счастью, аптека находилась прямо напротив церкви, так что мы почти не рисковали наткнуться на кого-то, кто меня знает. Еще не хватало, чтобы меня остановила и начала допрашивать полиция, хотя даже это лучше, чем встреча с Даффи или Фели.

Фели! Я совсем о ней забыла! Я вышла из церкви вместе с констеблем Оттером и оставила ее извлекать водопад звуков из церковного органа. Насколько я ее знаю, может, она там так и сидит. «Искусство фуги» старины Иоганна продолжается час с четвертью, а уж если моя сестра расстроена и недавно поела, прерываться она не станет.

«Чары музыки могут смягчить душу зверя», – говорит Уильям Конгрев в пьесе «Невеста в трауре».

«Музыка и куриные сэндвичи – вот что ему нужно было сказать», – однажды заметила Даффи, когда за обедом Фели вылетела из-за стола и нашла утешение в одной из самых прекрасных и душещипательных сонат Бетховена.

– Ты сказала, что сама заплатишь? – уточнил Хоб, нарушив ход моих мыслей.

– Да, – подтвердила я. – Но давай-ка поспешим, пока я не передумала.

Если мы быстро проявим пленку, я, может быть, успею вернуться в церковь, пока Фели не заметила мое отсутствие.

– К чему спешка? – спросил Хоб, пронзая меня внимательным взглядом.

– Ни к чему, – ответила я, прикусив язык. – Просто я схожу с ума по воздушной съемке. Я не видела хорошей аэрофотографии уже сто лет. Раньше их в большом количестве печатали в «Иллюстрированных лондонских новостях», но это было еще до войны. Теперь они никого не интересуют. Кроме тебя и, разумеется, меня.

Я широко улыбнулась ему, и он расплылся в ответной улыбке.

Аптека располагалась на центральной улице дверь в дверь с мясной лавкой. «Уонлесс и сыновья, аптекари», – гласили отслаивающиеся черные с золотым буквы над дверью и на маленьком окне, в котором виднелись две мензурки с застоявшейся водой.

Колокольчик звякнул, когда мы вошли в темную и тесную пещеру Аладдина, хранящую бутылочки, флажки, жестянки, пакетики и коробочки. Здесь негде было повернуться и пахло серой; лавандой и мятой; солями для ванн и нюхательными солями; лакрицей, алоэ и рвотным орехом; касторкой и гвоздичным маслом (от зубной боли).

Я внезапно осознала, что здесь пахнет комнатой, в которой недавно умер тяжелобольной пациент.

Не хочу об этом думать.

За прилавком стоял высокий худой аптекарь в белом халате. Он даже не моргнул глазом, когда я протянула ему пленку.

– Отпечатать? – уточнил он, держа карандаш наготове.

– По одному экземпляру, – сказала я.

– Имя?

– Флавия де Люс, – нет смысла лгать.

– Вы живете по соседству, мисс де Люс? – поинтересовался он.

– Мы остановились в «Дубе и фазане», – ответила я, – но завтра уезжаем. Вы успеете к этому времени?

Это был чистый вымысел. Я понятия не имела, когда мы собираемся уезжать, но хотела получить снимки как можно скорее.

Аптекарь нахмурился.

– Не могу обещать. Мы проявляем фотографии каждый день, кроме воскресенья. Но сейчас самое оживленное время года...

Он не стал добавлять «из-за туристов», но я и так поняла, что он имеет в виду.

Я открыла рот, делая вид, что сейчас скажу, будто могу отнести свою пленку в любое другое место.

– Иногда, – неохотно добавил аптекарь, – они бывают готовы в тот же день, но очень редко. В это время года мы сбиваемся с ног.

Я сделала виноватое лицо, как будто я причина всех бедствий.

Он внимательно рассматривал меня пару секунд, а потом, приняв решение, заколотил правой ногой в деревянный пол, словно бешеный бык, только что заметивший матадора на ринге.

– Хоуленд! – закричал он громким и тревожным голосом, совершенно непохожим на тот, которым он только что со мной говорил. – Как быстро ты сможешь проявить пленку шесть на двадцать?

Кем бы ни был этот Хоуленд, должно быть, он глуховат.

Из-под пола донеслось сердитое бурление, как будто подземные боги страдали от несварения желудка.

Я не смогла разобрать ни слова. Заглянула за прилавок, перед которым стояла. Конечно же, под ногами аптекаря располагался люк. Невидимый Хоуленд, должно быть, устроил темную комнату для проявки фотографий в подвале.

– По мере возможности, – сказал аптекарь, поворачиваясь ко мне.

– Благодарю, – ответила я, продемонстрировав зубы и одарив его широкой улыбкой, тщательно выбранной из моего ассортимента доброжелательных оскалов.

И с уверенностью добавила:

– Я знаю, вы сделаете все, что в ваших силах.

На улице я попрощалась с Хобом.

– Мне нужно возвращаться, или моя сестра сойдет с ума. Она слишком обо мне беспокоится. Ты знаешь, как это бывает.

Небольшая ложь никогда не повредит случайному знакомству.

Хоб кивнул и ушел.

Оставшись в одиночестве, я осознала, что за время нашего общения он толком ничего не сказал.

Возвращаясь к церкви, я услышала знакомые звуки шарманки. Интересно, это бродячий коммивояжер с обезьянкой? Странствующий паразит, как выразилась бы Даффи?

Я получила ответ на свой вопрос, приблизившись к переулку слева от центральной улицы. Сквозь арочный проход мощеная дорожка вела сначала на открытое пространство, а потом куда-то в поля. По древним камням и желобам для стока воды я определила, что это рыночная площадь. Сейчас здесь расположилась бродячая ярмарка. Полотняная вывеска гласила: «Цирк и зверинец Шадрича. Самая выдающаяся шоу-программа на земле».

Музыка доносилась со стороны маленькой карусели. Под летним солнцем непрерывно кружились ярко раскрашенные лошади, поросята, грифоны и сиротливый, но суровый по виду огнедышащий дракон. На этих прекрасных зверях катались всего лишь несколько человек, и один из них, маленький краснолицый мальчик, держался изо всех сил и орал, призывая мать.

Рядом стоял и уныло жевал сено скучающий слон, прикованный за ногу.

Сбоку на площади располагались привычные развлечения: игры «брось кокос», «метни кольцо», «тетушка Салли», а также прилавок с пирожками. Напротив них находился тир с летающими механическими утками, куропатками и останками портрета Невилла Чемберлена, плавающими на фоне грубо нарисованного

пейзажа. Кто-то помадой пририсовал уставшему лицу Чемберлена счастливую улыбку.

Еще дальше можно было поиграть в «корону и якорь», «под и над» и, несмотря на запрет казино на деревенских ярмарках, в рулетку. Над огромным, на удивление ярко освещенным колесом висела написанная от руки вывеска: «Детям нельзя».

Для малышей имелся пруд с магнитными удочками, чтобы вылавливать ненужные безделушки.

– Эй, привет! – окликнули меня из-за спины, и я повернулась, оказавшись лицом к лицу с мужчиной, которого видела в пабе. С тем, кто был самым высоким. Я узнала его по носовому платку в горошек.

Он спросил:

– Мы же уже виделись? Мне знакомо твое лицо.

Я не ведусь на такие уловки. Даффи рассказала мне, что надо делать, когда подходят незнакомцы и утверждают, что мое лицо им кажется знакомым. Ее инструкции варьировались от резкого замечания до быстрого отступления, сверкая пятками.

«Дай им понять, что ты не настроена иметь с ними дело», – велела Даффи.

Я покачала головой и отвернулась. Но мужчина не сдался так легко. Он обогнал меня, встал лицом к лицу, мешая пройти, и потряс передо мной стопкой разноцветных билетов.

– Попытай удачу в лотерее, – начал уговаривать он. – Шесть пенсов за один билет, за шиллинг даю дюжину. Все по-честному.

– Уходите, – громко произнесла я. Это шаг А.

– Ну же, – настаивал он. – Ты производишь впечатление девочки, которая не против рискнуть.

- Уходите, - повторила я. Это шаг Б.

- Ты не можешь выиграть, если не участвуешь, - занял он.

Шаг В следовало выполнять, только когда мужчина попытается применить силу, но если он коснется меня хоть пальцем... У меня будут развязаны руки.

- Я вас предупреждаю... - сказала я.

Ладонь легла мне на плечо. Я резко повернулась, засекла цель и...

- Пойдем, Флавия, - сказал Хоб, потянув меня за рукав. - Купишь мне сахарную вату.

Мне захотелось прибить его. Этот мелкий засранец следил за мной?

Я вопросительно выгнула бровь.

- Ты знаешь точно так же, как и я, что сладости до сих пор нормированы.

- Конечно, знаю, - Хоб ухмыльнулся, - но у меня есть талон.

Так и получилось, что мы вдвоем, испачканные по уши розовой ватой, медленно шли по центральной улице, по-кошачьи облизывали свои палочки и вытирали липкие пальцы о листья нависающих над нами деревьев.

Совместное поедание сладостей так же прочно связывает людей, как любовь. По крайней мере, мне так кажется, хотя я никогда не была влюблена. Да и к сахару я не очень привычна. Война, что поделать.

Тем не менее, прогуливаясь рука об руку и с шумом втягивая в себя сладкую вату, мы почти сразу стали близкими друзьями.

- Каково это - иметь отца-гробовщика? - любопытствовала я.

Я умирала от желания задать этот вопрос с первой секунды нашего знакомства и, по непонятным мне причинам, отчаянно хотела услышать ответ.

- Ты правда хочешь знать?

- Конечно, - ответила я, снимая нитки сахара с подбородка. - Меня очень интересуют такие вещи. Хотела бы я, чтобы мой отец занимался таким ремеслом.

- А он нет? - переспросил Хоб.

- Нет. По крайней мере, не напрямую.

Я подумала о военной службе отца, о тех временах, когда он и Доггер служили на Дальнем Востоке и отправляли иностранцев на тот свет.

- Но ты не ответил на мой вопрос, - заметила я, возвращаясь в настоящее.

Хоб пожал плечами.

- Ну, - произнес он, - меня дразнят в школе.

- Я бы вырвала их сердца, - сказала я. Внезапно меня охватило страстное желание защитить этого мальчика.

- О, я не против, - сказал Хоб. - Папа говорит, что в жизни много смерти и что лучше подружиться с ней, чем враждовать.

О! Какой мудрец!

Как будто небеса внезапно разверзлись и бестелесная рука протянула мне свиток с тайнами вселенной.

У меня с плеч словно сняли тяжелый груз - груз, который я не ощущала, пока не избавилась от него.

Мне хотелось кого-нибудь обнять. Или громко запеть.

- Хмммм, - протянула я. - Полагаю, это разумный взгляд на вещи.

Неожиданно я заметила, что Хоб перешел от неторопливой прогулки на галоп. Да, галоп!

Такое ощущение, что моя радость каким-то образом передалась ему.

- Что ты знаешь о Поппи Мандрил? - внезапно поинтересовалась я.

По моему опыту, гром среди ясного неба зачастую может вызвать сильнейшую лавину.

- Все ее боятся, - ответил Хоб, не моргнув и глазом.

- Все?

- Ну конечно, кроме меня, - Хоб выдвинул челюсть. - Но я видел ее только издали.

Я не смогла удержаться.

- Откуда ты знаешь, что все ее боятся?

- Потому что у меня ушки на макушке, - сказал Хоб. - Слушаю, что говорят на похоронах.

На меня нахлынуло осознание, что рядом со мной кладезь информации. Если есть на свете место, где люди говорят все, что им вздумается, - это на похоронах. Эмоции, и особенно грусть, развязывают языки почище алкоголя.

Готова поспорить, что над открытым гробом рассказывают больше тайн, чем во всех исповедальнях христианского мира.

- Правда? - восхитилась я.

Хоб приосанился.

– Миссис Перри говорила об этом миссис Белани на похоронах старого мистера Аркрайта. Как только Поппи Мандрил вошла в помещение, все отошли от нее подальше, как будто она чумная.

– Может, из уважения? – предположила я.

– Пфф! – фыркнул Хоб. – Они ее боялись. Миссис Перри придвинулась к миссис Белани и прошептала: «Они боятся эту...» Мне не разрешается говорить это слово, но ты понимаешь, о чем я. Я слышал это своими собственными ушами.

– Ты такой умный, Хоб, – сказала я, и он покраснел как рак.

– Я так и знал! – воскликнул он, обнимая себя руками. – Так и знал!

– Так и есть, – заверила его я. – Что еще ты слышал? Имею в виду, насчет Поппи Мандрил? О других можем поговорить позже.

– Она работает в театре «Паддл Лейн», – Хоб закатил глаза с таким видом, будто я должна понимать его намеки. – Они ставят спектакли в городском муниципалитете. Пантомимы на Рождество. Ну, знаешь, о чем я.

Я и правда знала. В Бишоп-Лейси мы страдаем тоже от этих ужасных и нелепых, но обязательных комедий.

Но почему мертвый Орландо был одет словно персонаж рождественской пантомимы? В конце концов, сейчас июнь! Репетиции начнутся только через несколько месяцев, а уж репетиции в костюмах... Они тем более невозможны в это время года.

– Кто-нибудь устраивает маскарад? – поинтересовалась я.

– Что это такое? – спросил Хоб.

– Маскарад? Костюмированная вечеринка. Например, можно нарядиться разбойником. Джентльмены в париках, леди в шелковых платьях с пышными, как палатки, юбками и с мушками на щеках.

– Фу, – сказал Хоб. – Звучит не очень. Никогда не слышал ни о чем подобном.

– Почему все боятся Поппи Мандрил? – полюбопытствовала я, пытаюсь направить разговор в нужное русло.

– Она командирша, – сказал Хоб. – Вечно раздает людям приказы.

– Разве это не то, что должен делать театральный режиссер? – спросила я наполовину шутливо.

– Не в церкви! – воскликнул Хоб, широко раскрыв глаза и ощетинившись.

– Ты это видел? – спросила я.

Хоб кивнул несколько раз для вящей убедительности.

– Однажды. Она кричала на викария посреди проповеди.

– Господи! – изумилась я. Даже я никогда не позволяю себе подобное святотатство.

– Ты помнишь, что она говорила?

– Она сказала: «Хватит кудахтать, викарий. Мне пора на поезд».

– Это было, случайно, не в Пальмовое воскресенье? – поинтересовалась я. – Три месяца назад?

– Откуда ты знаешь? – спросил Хоб. – Мы держали пальмовые ветви в руках. Лиззи Плезанс пыталась придушить меня своей. Мою я унес домой и сделал из нее солдатику.

Интересно, что бы сказал Хоб, если бы знал, что я каждый год делаю из своей пальмовой ветви повешенного?

На самом деле это предположение было образчиком чистой дедукции с моей стороны. По горькому опыту я знаю, что служба в Пальмовое воскресенье – самая длинная в «Книге общих молитв». Отрывок берут из Евангелия от Матфея, главы двадцать седьмой. Которая, насколько я помню, по объему превышает тысячу слов. Я знаю это, потому что считала их самолично, следя пальцем за каждым словом, когда наш викарий Денвин Ричардсон зачитывал ее вслух в Пальмовое воскресенье у нас, в Бишоп-Лейси.

«Вам очень повезло, – сказал он на занятиях по конфирмации. – Если бы вы имели несчастье жить около 1550 года, во времена короля Эдуарда VI, умершего в возрасте пятнадцати лет... – он был моложе тебя, Тед Паллимор... да, тебя, Тед... – который, умирая, кашлял зелено-черно-розовой мокротой, отчего решили, будто его отравили, вам пришлось бы отсидеть в три раза дольше, чем сегодня. В те времена в Пальмовое воскресенье читали главы двадцать шесть и двадцать семь из Матфея, и это длилось от двадцати до тридцати минут. К счастью, редакторы «Книги общих молитв» в мудрости своей сжалились над нашими седалищами и значительно сократили чтение».

Вот что я люблю в Денвине Ричардсоне: из него просто льются исторические факты.

– А мертвец? – спросила я у Хоба. – Орландо. Ты его знал?

– Орландо? – Хоб шумно фыркнул. – Все знали Орландо.

– Все, кроме меня, – возразила я. – Я даже не знаю его фамилию.

– Уайтбред, – сказал Хоб. – Орландо Уайтбред. Его отец был священником в Святой Милдред-на-болоте.

Уайтбред?

Я чуть не упала.

– Каноник Уайтбред? – переспросила я. – Это же не тот каноник Уайтбред? Которого...

– Повесили, – закончил Хоб. – Да, тот самый. Я помогал папе его бальзамировать.

Глава 6

Что можно сказать ребенку, который помогал отцу вкалывать консерванты в сонную артерию казненного убийцы?

«Немного», – подумала я. Для этого случая нет подходящих слов не описать мой шок, благоговейный ужас, восхищение и зависть.

– Ты удивилась? – спросил Хоб. – С виду да.

– Вовсе нет, – возразила я, сопротивляясь этой мысли. – Расскажи подробнее.

– Ты удивилась, – настойчиво повторил Хоб.

– Ну ладно. Да, я удивлена. Поражена. Даже изумлена. Расскажи мне все.

– Может, когда мы познакомимся поближе, – сказал Хоб.

Откуда у этого мальчика столько наглости? Что творится в его голове?

– Ладно, – сказала я. – Бог с ним. Можешь не рассказывать, мне все равно.

Хоб ничего не сказал, но посмотрел на меня с таким видом, словно меня поймали за воровством цыплят у его отца.

Если, конечно, у гробовщика есть цыплята. Я придумала множество причин, почему они могут или не могут разводить птиц, но все онигодились для обсуждения только с самыми доверенными друзьями. И даже тогда...

Но тут Хоб рванул к дому, не успела я его остановить. Он крикнул на прощание:

- Пока!

Я испугала его своей фамильярностью?

Ладно, какая разница.

И только когда он скрылся за углом, до меня дошла одна очевидная вещь.

- Хоб! Постой! - позвала я, но он не услышал. Или сделал вид.

Можно было бы побежать за ним, но времени не было. «Ладно, - подумала я, - подвернется другая возможность».

Тем временем Фели, Даффи и Доггер наверняка волнуются из-за меня. Или нет? Никогда не знаешь точно.

Оказалось, мое беспокойство было напрасным. Когда я вернулась в церковь, Фели все еще была захвачена «Искусством фуги», приближающимся к концу, - ну, или к тому, что считалось его концом, потому что Бах так и не завершил эту вещь. Бросив сочинять ее, он написал на полях нотной партии, что в этот момент композитор умер. Величайшая шутка, как выразилась Даффи. Где-то среди звезд Бах до сих пор ждет, что кто-то рассмеется.

При мысли о том, что где-то за Плутоном старик Иоганн Себастьян только что одобрительно поднял два пальца в символе «V», как «Victory»[10 - Победа (англ.)], в мой адрес, я тихо хихикнула.

Доггер и Даффи сидели бок о бок на задней скамье, закрыв глаза и сложив руки на животах с видом объевшихся голубей на крыше Вестминстерского аббатства, и внимательно слушали музыку.

Я тихо скользнула на скамью рядом с ним, и Доггер приоткрыл глаз. Даффи с тем же успехом могла быть на далеких островах Фиджи.

Я медленно прошагала пальцами по скамье, изображая паука.

Указательным пальцем я отстучала секретный код на тыльной стороне ладони Доггера: быстрое прикосновение вместо точки и долгое – вместо тире. Чертовски хорошо, что в Канаде в академии мисс Бодикот я выучила азбуку Морзе.

Точка, тире, тире, точка; точка, тире, точка; тире, тире, тире – и так далее, пока не передала слово «прогресс».

Долю секунды я думала, что Доггер не понял, но потом увидела, как он наклонил голову на одну шестьдесят четвертую долю дюйма. Если бы я не знала Доггера, ничего бы не заметила.

Теперь его рука касалась моей. «Отлично», – отстучали его пальцы.

На меня нахлынула теплая волна, и оставалось только надеяться, что я не покраснела. Украдкой я бросила взгляд на Доггера, но его глаза были закрыты. Он выглядит так аристократично! Просто божественно!

«Искусство фуги» оборвалось резко, как я и помнила: на середине полета, точно как Орландо Уайтбред.

И, если призадуматься, как его отец, покойный каноник Святой Милдред-на-болоте.

Музыка смолкла, и на прощание орган несколько раз всхлипнул, словно умирающий, когда остатки кислорода покидают его легкие. Где-то за высокими изукрашенными трубами сократились кожаные мехи, и крошечные металлические и деревянные артерии, оставшись без воздуха, погрузились в беспокойное молчание.

Некоторое время мы втроем, Даффи, Доггер и я, сидели в неловком вакууме, который образуется по окончании музыкального произведения, когда никому не хочется говорить первым.

В конце концов пришлось мне.

– Надо вернуться в «Дуб и фазан», – сказала я. – Снять номера. Не думаю, что мы сможем уехать из города без разрешения.

– Эти распоряжения уже сделаны, мисс Флавия, – сказал Доггер. – Пойду за машиной.

Мы оставили «роллс-ройс» недалеко от реки, рядом с арендой лодок.

– Старина Доггер, – сказала я, похлопав его по руке. – В этом переменчивом веке вы один не меняетесь.

Он улыбнулся и исчез.

– Шерлок Холмс, – сказала Даффи, распахнув глаза. – Его прощальный поклон. «Да, скоро поднимется такой восточный ветер, какой никогда еще не дул на Англию. Холодный, колючий ветер, Уотсон, и, может, многие из нас погибнут от его ледяного дыхания»[11 - Цит. из рассказа А. Конан Дойля «Его прощальный поклон» в переводе Н. А. Дехтеревой.].

Слова Даффи заставили меня потерять равновесие. Меня охватила дрожь. Вместо слова «Англия» она могла бы сказать «ветер, какой никогда еще не дул на нас», подразумевая семью де Люс.

Разрушение началось вместе со смертью отца. Эти веселые каникулы – просто обманчиво плавное скольжение в пропасть.

Позади нас послышался стук каблуков, и явилась Фели.

– Идемте, слизняки, – сказала она, обращаясь к Даффи и ко мне. – Я умираю от голода.

Фели такая, да. За одну секунду переключается от григорианских хоралов к состоянию своего кишечника.

Я пришла к мысли о том, что просто не понимаю старшую сестру и никогда не пойму.

Когда мы вышли из церкви, я обратила внимание, что тело Орландо уже унесли с берега реки. Констебль Оттер исчез из поля зрения. И мисс Мандрил тоже.

Рядом с участком мокрой травы, где раньше лежал труп Орландо, столпилась группка женщин. Даже отсюда, несмотря на ветер и расстояние, я слышала их трескотню.

Вернувшись в трактир, мы обнаружили, что наши комнаты готовы. Фели получила самую лучшую спальню: комнату с низкими потолками в передней части здания, выходящую окнами на церковь. Говорят, тут однажды спала королева Елизавета I во время одного из своих многочисленных путешествий по стране.

– Есть ли в Англии хотя бы одна комната, где она не спала? – кисло поинтересовалась Даффи, но хозяин, привычный к дерзости, парировал:

– Да. Моя.

У Даффи хватило хороших манер, чтобы рассмеяться, хотя я почувствовала ее неискренность.

Даффи выделили маленькую уютную комнатку в западной части дома, которая во времена доброй королевы Бесс была отдельной постройкой.

– Долго светит солнце, удобно читать, – сказала она.

Обнаружив маленькую библиотеку, состоящую из нескольких полок, зажатых между двумя лестничными пролетами, она отмахнулась от нее.

– Уида... Сабатини... Майкл Арлен... Райдер Хаггард[12 - В тоске по Диккенсу Даффи перечисляет английских писателей второй половины XIX – первой половины XX века, авторов приключенческих романов.]... и ни единой страницы, принадлежащей перу божественного Чарльза.

Конечно, она имела в виду Диккенса. Даффи превратила свою спальню в Букшоу в его святилище. Перед поездкой я предложила водрузить алтарь на телегу и повезти с собой, как это делали в Средние века.

– Можем прицепить его к «роллс-ройсу» сзади, – сказала я. – Только подумай, как это удобно. На случай абстинентного синдрома у тебя под рукой будет все:

портрет божественного Чарльза, свечи, благовония, первые издания «Холодного дома» и «Посмертные записки Пиквикского клуба».

Мне пришлось спасаться бегством из-за стола, потому что Даффи обрушила на меня град из черносмородиновых булочек, вдвойне смертоносных, поскольку их пекла миссис Мюллет.

Что касается меня, я расквартировалась в крошечной комнатке в задней части трактира, которая, как заверил меня хозяин, когда-то была обиталищем менестреля.

– Не беспокойся, если услышишь ночью странные голоса, – доверительно сказал он. – Большинство они безвредны, хотя последняя леди, которая их слышала, сошла с ума, и на нее надели смирительную рубашку! – к концу речи он перешел на театральный шепот.

Я проигнорировала его откровения.

Взгляд в узкое окно дал мне понять, что единственные голоса, которые я могу тут услышать, принадлежат старикам, сидящим за столиками посреди сада с большими кружками эля.

Я подняла засиженные мухами жалюзи повыше, чтобы впустить в темную комнатку больше света.

Мебели тут было, прямо скажем, немного: маленькая кровать, ночной горшок под ней, дешевый деревянный стол с кувшином и тазиком, лампа со свечой и стеклянной дымовой трубкой – видимо, на случай необходимости ночью, – стул, который словно попал сюда с картин Ван Гога, умывальник, по всей видимости, повидавший еще средние века, маленькая электрическая плитка и овальное пожелтевшее зеркало.

Доггер принес из «роллс-ройса» мой маленький дорожный чемоданчик. В отличие от Даффи, которая заставила нас взять с собой деревянный ящик с полным собранием сочинений Чарльза Диккенса в двадцати шести пухлых переплетенных в красную кожу томах, я взяла только самое необходимое: зубную щетку и «Принципы и практику медицинской юриспруденции» Тейлора. Чтобы облегчить вес, я взяла только второй том этого выдающегося труда, тот,

где говорилось о ядах.

Я подождала, пока хозяин трактира с его историями о привидениях уйдет из зоны слышимости, и закрыла дверь.

- Доггер, - спросила я, - где хоронят казненных убийц?

- Ну, мисс Флавия, - ответил Доггер, - в разные эпохи по-разному. В восемнадцатом веке трупы оставляли на виселице, чтобы их склевали птицы.

Я с наслаждением вздрогнула, услышав эти слова.

- Некоторых хоронили на перекрестках, - продолжил Доггер, - как и самоубийц, пока в двадцатых годах восемнадцатого века эту практику не запретил парламент.

- Почему на перекрестках? - поинтересовалась я.

- Люди верили, что пересечение четырех дорог мешает привидению найти дорогу домой.

- А сейчас? - я так волновалась, что с трудом произнесла вопрос.

- Сейчас, - ответил Доггер, - трупы казненных убийц являются собственностью Короны. Их хоронят в продырявленных гробах в безымянных могилах недалеко от тюрьмы, где они ждали казни.

- Их не выдают семье? Не препоручают гробовщику?

- Нет, если нет других указаний от шерифа графства. После похорон для эксгумации требуется официальное разрешение министерства внутренних дел, которое должно быть подписано лично министром. Хотя я знаю, что это не одобряется и может быть разрешено только в самых чрезвычайных обстоятельствах.

Мой мозг вскипел.

Если только Хоб не отъявленный лжец, это просто невозможно, чтобы он присутствовал при бальзамировании каноника Уайтбрета.

Во-первых, если каноник был повешен в тюрьме Ее Величества, тело не стали бы бальзамировать. Продырявленный гроб значит только одно: труп должен разложиться как можно скорее. Бальзамирование лишь задержит этот процесс.

Остается несколько вариантов. Тело повешенного каноника было передано семье после казни, но до похорон по прямому приказу шерифа; тело на столе мистера Найтингейла не принадлежало канонику Уайтбрету; на самом деле каноника Уайтбрета не казнили.

Я не могла сдержать волнение.

– Где похоронили каноника Уайтбрета? – спросила я.

– А! – произнес Доггер. – Вот в чем вопрос, не так ли? Нам предстоит это выяснить.

Нам! Доггеру и мне? Мы вместе расследуем дело.

Мое сердце запылало, как полено в камине в хижине лесника.

– С чего... мы... начнем? – выдавила я.

– С прихожан Святой Милдред, – ответил Доггер. – Закон часто забывает, что, когда дело касается убийства, прихожане знают все ответы.

– Ты сказал «убийство», Доггер?

– Именно.

Я засияла, как солнце в зените лета. Доггер, независимо от меня, пришел к тому же самому выводу.

– Мы не должны обсуждать конкретные детали, – прошептала я. – Чтобы не мешать каждому из нас изучать улики.

– Разумеется, – согласился Доггер. – Я собирался предложить то же самое, мисс Флавия.

Я издала долгий шумный выдох удовольствия – почти змеиное шипение.

Убийца Орландо Уайтбрета обречен. С этого момента у него нет шансов укрыться от команды Доггера и де Люс.

Я отчаянно хотела потереться носами со своим партнером, но не осмелилась. Эскимосские поцелуи подождут, пока наши отношения не станут более крепкими.

– А теперь, мисс, – предложил Доггер, повернувшись к моему сиротливому чемодану, – не пора ли достать яды?

Глава 7

Яды, о которых говорил Доггер, описывались в толстом синем томике «Медицинской юриспруденции» Тейлора – девятое издание, которое, полагаю, я уже упоминала.

– Прости за тяжесть, – сказала я, когда Доггер положил чемодан на кровать. Я знаю, что мой не идет ни в какое сравнение с тележкой книг, привезенных дражайшей Даффи. Надеюсь, по сравнению с ней я произвожу впечатление заботливого человека.

– Хорошая книга, – заметил он, почтительно кладя тяжелый том на прикроватный столик, – драгоценный жизненный сок творческого духа, набальзамированный и сохраненный как сокровище для грядущих поколений. По крайней мере, так сказал мистер Мильтон в «Ареопагитике».

Я с умным видом кивнула в ответ, хотя я понятия не имею, кто такой мистер Мильтон, что он имел в виду этой фразой и что за штука такая эта «Ареопагитика».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Перевод Г. Кружкова. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Цит. из романа Ч. Диккенса «Холодный дом» в переводе М. И. Клягиной-Кондратьевой.

3

Сэр Джон Миллз (1908–2005) – популярный английский актер, сыгравший более чем в 120 фильмах за свою 70-летнюю карьеру.

4

Потир – чаша для причастия.

5

Есть версия, что на самом деле Томас Чаттертон (1752–1770) отравился, потому что не мог добиться признания и его практически не публиковали. Его литературную мистификацию (Томас писал стихи, выдавая их за записи средневекового монаха Томаса Роули, якобы жившего в XV веке) разоблачил Гораций Уолпол за год или полтора до смерти поэта, а слава к Чаттертону пришла спустя много лет после самоубийства.

6

Здесь и далее стихи в переводе М. Савченко, если не указано иное.

7

Здесь и далее Библия цитируется по Синодальному переводу.

8

Джон Гилгуд (1904–2000) – знаменитый английский актер, исполнитель шекспировских ролей.

9

Флавия имеет в виду английских протестантов, которые откололись от англиканской церкви в XVI, XVII, XVIII веках.

10

Победа (англ.)

11

Цит. из рассказа А. Конан Дойля «Его прощальный поклон» в переводе Н. А. Дехтеревой.

12

В тоске по Диккенсу Даффи перечисляет английских писателей второй половины XIX – первой половины XX века, авторов приключенческих романов.

Купить: <https://telnovel.com/ru/alan-bredli/v-mogile-ne-opasen-sud-molvu>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)